

СТИВЕН

КИНГ

КОМАНДА
СКЕЛЕТОВ

Стивен Кинг

Команда скелетов (сборник)

«АСТ»

1985

Кинг С.

Команда скелетов (сборник) / С. Кинг — «АСТ», 1985

«Кошмар» – ключевое слово в мире рассказов короля ужасов Стивена Кинга. Смерть вторгается в повседневную жизнь, принимая разные обличья. Смерть – это прекрасная девушка-бродяжка и невинная детская игрушка, смерть – это престарелая бабушка и одевающий город серый туман. Смерть несут с собою блуждающая пуля и мирное озеро, на которое отправляются отдохнуть юные парочки. Смерть – это безумие того, кто медленно поддыхает от голода на необитаемом острове, и того, кто постепенно начинает видеть круги Ада за каждодневной реальностью... «Команда скелетов» – сборник рассказов и кошмаров.

© Кинг С., 1985

© АСТ, 1985

Содержание

Авторское предисловие	5
1	5
2	7
3	9
4	10
5	11
Здесь тоже водятся тигры	12
Обезьяна	15
Возвратившийся Каин	39
Свадебный джаз	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Стивен Кинг

Команда скелетов (сборник)

Посвящается Артуру и Джойс Грин

*Я – просто пугало,
Пугало на лугу.
Скриплю по кругу.
Делаю, что могу.¹*

Авторское предисловие

Подождите... всего лишь несколько минут. Я хочу поговорить с вами... а потом поцеловать. Подождите...

1

2

Вот еще рассказы, если вас это интересует. Написаны они за достаточно продолжительный период моей жизни. Самый старый, «Отражение», я написал в восемнадцать лет, в лето перед поступлением в колледж. Идея пришла ко мне, когда во дворе нашего дома в Уэст-Дархэме, штат Мэн, мы с братом играли в баскетбол. Когда я перечитал его, меня охватила ностальгия по тем временам. Самый последний, «Баллада о гибкой пуле», я закончил в ноябре 1983 года. Семнадцать лет, конечно, не такой уж большой срок, если принимать во внимание литературную карьеру таких писателей, как Грэм Грин, Сомерсет Моэм, Марк Твен и Эудора Уэлти, но все-таки вот Стивен Крейн писал меньше времени, а Г. П. Лавкрафт практически столько же.

Один мой приятель год или два тому назад спросил, почему я по-прежнему пишу рассказы. Романы, указал он, приносят мне вполне приличные деньги, тогда как рассказы – сущие крохи.

– С чего ты так решил? – спросил я.

Он постучал пальцем по последнему номеру «Плейбоя», который послужил причиной нашей дискуссии. В нем напечатали мой рассказ («Всемогущий текст-процессор», который вы найдете в этой книге³), и я только что с законной гордостью сказал ему об этом.

– Сейчас я тебе это докажу, – гнул свое мой приятель, – если только ты скажешь мне, сколько тебе заплатили за этот рассказ.

– Скажу. Я получил две тысячи долларов. Не какие-то крохи, Уайатт.

(Его имя не Уайатт, просто я не хочу тыкать в него пальцем, вы понимаете.)

– Нет, двух тысяч ты не получал, – возразил он.

– Не получал? Ты заглядывал в мой банковский счет?

– Нет. Но я знаю, что ты получил тысячу восемьсот долларов, потому что десять процентов пошло твоему агенту.

² Introduction. У Stephen King, 1985. У 1997. В. А. Вебер. Перевод с английского.

³ По стечению обстоятельств рассказ «Всемогущий текст-процессор», повести «Баллада о гибкой пуле» и «Туман» опубликованы в сборнике «Кэрри», а рассказ «Отражение» – в сборнике «Глаза дракона» полного собрания сочинений С. Кинга, выпускаемого издательством АСТ.

– Чертовски верно, – кивнул я. – И он их заслуживает. Его стараниями я попал в «Плейбой». Я всегда хотел напечататься в «Плейбое». Так что невелика разница – две тысячи долларов или тысяча восемьсот.

– Нет, ты получил тысячу семьсот десять.

– Что?

– Разве ты не упоминал о том, что твой менеджер берет пять процентов?

– Хорошо, согласен, вычтем из тысячи восьмисот девяносто. Я по-прежнему думаю, что тысяча семьсот десять долларов не такая уж маленькая сумма...

– Не такая уж, – перебил меня этот садист. – Но в действительности она составляет восемьсот пятьдесят пять долларов.

– Что?

– Ты хочешь сказать, Стивчик, что не входишь в ту категорию граждан, доходы которых обязывают платить государству пятьдесят процентов своих доходов?

Я промолчал. Он знал, что вхожу.

– Так что всего-то ты получил за рассказ семьсот шестьдесят девять долларов и пятьдесят центов, не так ли?

Я с неохотой кивнул. Подоходный налог штата Мэн составлял десять процентов от федерального налога.

– И сколько времени ты писал рассказ? – напирал Уайатт.

– Примерно неделю. – Тут я солгал. На рассказ ушло две, да еще пришлось пару раз редактировать его, о чем я говорить Уайатту не собирался.

– Значит, за неделю ты заработал семьсот шестьдесят девять долларов и пятьдесят центов. А ты знаешь, сколько зарабатывает в неделю нью-йоркский сантехник, Стивчик?

– Нет. – Я ненавижу тех, кто называет меня Стивчиком. – И ты не знаешь.

– Отнюдь. Примерно семьсот шестьдесят девять долларов и пятьдесят центов, после вычета налогов. Как ты сам видишь, писать рассказы – чистая потеря времени. – Он расхохотался и спросил, нет ли в холодильнике еще пива. Я ответил, что нет.

Я намереваюсь послать Уайатту экземпляр этой книги с сопроводительной запиской следующего содержания: *Я не собираюсь говорить тебе, Уайатт, сколько мне заплатили за этот сборник рассказов, но одно все-таки скажу, Уайатт, – за рассказ «Всемогущий текст-процессор» я получил уже 2300 долларов, чистыми, не считая тех 769 долларов и 50 центов, над которыми ты так смеялся в моем доме у озера.*

Подпишусь я Стивчик и добавлю: *PS: Пиво в холодильнике было, и я выпил его после твоего отъезда.*

Пусть знает.

2

Да только дело не в деньгах. Признаю, я радовался, когда мне заплатили 2000 долларов за «Всемогущий текст-процессор», но я точно так же радовался и 40 долларам, полученным за «Отражение», когда его опубликовали в журнале «Статлинг мистери сториз», и такому гонорару, как дюжина экземпляров «Убриса», литературного журнала Университета штата Мэн «Убрис» (по доброте душевной я всегда полагал, что так кокни произносят слово *Hubris*), которые мне вручили после публикации в нем рассказа «Здесь тоже водятся тигры».

Я хочу сказать, радоваться деньгам – не грех, не будем в этом заблуждаться (по крайней мере пока еще не грех). Когда мои рассказы начали достаточно регулярно появляться в мужских журналах, таких как «Кавалер», «Пижон» и «Адам», мне было двадцать пять лет, а моей жене – двадцать три. У нас уже появился один ребенок, и мы ждали второго. Я работал по пятьдесят или шестьдесят часов в неделю в прачечной и получал один доллар и семьдесят пять центов в час. И с деньгами у нас было далеко не густо. Так что чеки за эти рассказы (всегда после публикации, а не решения на публикацию) всегда приходились кстати, позволяя или купить антибиотики ребенку, у которого продуло уши, или заплатить за телефон, который грозили отключить. Лишних денег не оставалось. Как говорит Лили Кавенау в «Талисмане» (это фраза Питера Страуба – не моя): «Тебе никогда не быть слишком тощим и слишком богатым». И если вы в это не верите, значит, вы никогда не были очень толстым и очень бедным.

И в то же время рассказы не пишутся ради денег, или ты обезьяна. Когда пишешь рассказ, не думаешь о том, что надо нагнать достаточное количество слов, или ты обезьяна. В писательстве не думаешь о том, сколько ты заработаешь за час, за год, за жизнь, или ты обезьяна. Конечно, мы занимаемся этим не ради любви к искусству, хотя приятно так думать. Мы занимаемся этим, потому что не заниматься равносильно самоубийству. И хотя работа эта тяжелая, у нее есть достоинства, которые я никогда бы не стал перечислять Уайатту: не тот он человек, чтобы понять.

Возьмем, к примеру, «Всемогущий текст-процессор». Не лучший рассказ из написанных мною, не из тех, что может рассчитывать на получение литературной премии. Но не такой и плохой. Забавный. Я месяцем раньше приобрел свой первый текст-процессор (большой такой «Уэнг», и попрошу оставить при себе ваши, несомненно, остроумные комментарии) и все еще выяснял, что он может делать, а чего – нет. Особенно меня зачаровывали клавиши «Убрать (Delate)» и «Вставить (Insert)», позволяющие забыть о зачеркивании и вставках на полях.

В один из дней я сильно отравился. Что такого, это может случиться с каждым. Все, что не держалось во мне, выходило с обоих концов, по большей части со скоростью звука. К вечеру мне стало совсем плохо. Бил озноб, поднялась температура, суставы распухли. Желудок крутило, болела спина.

Эту ночь я провел в спальне для гостей (благо ее отделяли от туалета четыре ступеньки вниз). Спал с девяти вечера до двух ночи. Проснувшись, понял, что больше мне не уснуть. Встать я не мог, слишком ослабел. Вот я лежал и думал о моем текст-процессоре и клавишах «Вставить» и «Убрать». И мне в голову пришла мысль: «А ведь будет забавно, если кто-то печатает предложение, потом нажимает клавишу «Убрать», и то, о чем шла речь в предложении, исчезает из жизни?» С этой мысли начинались практически все мои рассказы: «А ведь будет забавно, если...» И хотя многие из них достаточно страшные, среди них нет ни одного, не вызвавшего у читателя в каком-то месте улыбки, как бы ужасно этот рассказ ни заканчивался.

Вот я и начал придумывать, что можно убрать с помощью клавиши на клавиатуре текст-процессора, и у меня в голове сложился рассказ. Я наблюдал, как какой-то тип (для меня это всегда мистер Икс, до той поры как я начинаю печатать рассказ и должен дать ему имя) убирает

висящие на стене картины, кресла в гостиной, Нью-Йорк, идею войны. Потом я решил, что не мешало бы ему что-то и вставить, ввести в мир с помощью другой клавиши.

Следующей пришла мысль: а не дать ли ему стерву жену, которую он сможет убрать и заменить хорошей женщиной? С тем я и заснул, а наутро проснулся в полном здравии. Отравления как не бывало, а вот идея осталась. Этот рассказ я написал, хотя вы увидите, что получился он не таким, как я представлял себе ночью. Ну да это обычное дело.

Дальше можно не объяснять, не так ли? Пишешь не ради денег. Пишешь потому, что этим можно избавиться от дурного настроения или самочувствия. И если мужчина или женщина этого не понимают, он, или она, – обезьяна, ничего больше. История помогла мне заснуть, когда я думал, что мне это не удастся. Я помог истории обрести вещественную форму, к которой она стремилась. Остальное – побочные эффекты.

3

Я надеюсь, вам понравится эта книга, Постоянный читатель. Подозреваю, роман понравился бы вам больше, потому что большинство из вас забыли прелести рассказа. Чтение добротного, длинного романа во многом все равно что долгая и приятная во всех отношениях любовная интрига. Помнится, я часто мотался между Питсбургом и Мэном, участвуя в подготовке «Крюшоу», главным образом на автомобиле. Воспользоваться самолетом мешали не только моя стойкая нелюбовь к этому виду транспорта, но и забастовка авиадиспетчеров и их последующее увольнение Рейганом (Рейган, как оказалось, становился ярким сторонником профсоюзов только, если профсоюзы эти действовали в Польше). У меня было восемь аудиокассет с начитанным на них романом Коллин Маккаллоу «Поющие в терновнике», а за те пять недель я не просто вступил в любовную связь с этой книгой, можно сказать, женился на ней (особенно мне нравился эпизод со злобной старухой и личинками).

Рассказ – совсем другое дело. Рассказ – это короткий поцелуй незнакомца в темноте. Разумеется, это тебе не любовная связь или узы брака, но в поцелуях есть своя прелесть, в их мимолетности таится особая привлекательность.

С годами писать рассказы мне стало не легче – труднее. Во-первых, время, которое я могу уделить им, сокращается. Во-вторых, они имеют тенденцию к разбуханию (разбухание рассказов – это серьезная проблема, все равно что диета для толстяков). И все сложнее найти правильную интонацию для рассказа – очень часто мистер Икс не желает перескакивать из головы на бумагу.

Но я думаю, что главное – не сдаваться. Лучше продолжать целоваться с риском иной раз получить оплеуху, чем вовсе отказаться от этого удовольствия.

4

Не волнуйтесь, я уже закругляюсь. Но я имею право поблагодарить нескольких людей? (Если хотите, эту часть можете пропустить.)

Спасибо Биллу Томпсону за то, что сдвинул эту машину с места. Он и я выпустили первый сборник рассказов, «Ночную смену», и идея сделать второй принадлежала ему. Потом он перешел в «Арбор хауз», но я люблю его так же, как и прежде. Если в джентльменской профессии издателя остался хоть один джентльмен, так это он. Господь, да благословит твое ирландское сердце, Билл.

Благодарю Филлис Гранн из издательства «Патмен», которая взвалила на себя эту книгу.

Спасибо Кирби Маккоули, моему агенту, еще одному ирландцу, который продал большинство этих рассказов и вытянул из меня, как цепь из колодца, самый длинный из них – «Туман».

Похоже на речь по случаю присуждения мне «Оскара», но что же делать.

Спасибо редакторам журналов: Кэти Саган из «Редлука», Алисе Тернер из «Плейбоя», Най Уиллден из «Кавалера», сотрудникам «Янки» и Эду Ферману, дорогому мне человеку, из «Фэнтези энд сайенс фикшн».

Я в долгу перед всеми и мог бы перечислить их поименно, но больше не буду докучать вам. А больше всего благодарю вас, Постоянный читатель, как, собственно, и всегда. Потому что в конце мяч обязательно прикатывается к вам. Без вас все наши усилия идут прахом. Если то, что сделано для вас, позволяет отвлечься, скоротать время после ленча, перелет из города в город, час в КПЗ, куда вас замели за плевки в неподобающем месте, это для меня самая большая радость.

5

Итак – прелюдия закончена. Хватайте меня за руку. Держите крепко. Нам предстоит побывать в темных местах, но, думаю, дорогу я знаю. Только не выпускайте моей руки. А если я поцелую вас в темноте, не обижайтесь. Все потому, что я люблю вас.

А теперь слушайте...

15 апреля 1984 г.

Бангор, штат Мэн.

Здесь тоже водятся тигры

4

Чарлзу стало совсем невтерпеж.

Уже не имело смысла убеждать себя, что он сможет дотянуть до перемены. Мочевой пузырь исходил криком, и мисс Берд заметила, что он ерзает на стуле.

В начальной школе на Акорн-стрит в третьем классе преподавали три учительницы. Мисс Кинни, молодая пухленькая блондинка, за которой после занятий заезжал дружок на синем «камаро». Миссис Траск, плоская, как доска, которая заплетала волосы в косички и оглушительно смеялась. И мисс Берд.

Чарлз знал, что такое может случиться с ним только на уроке мисс Берд. Давно знал. Понимал, что этого не избежать. Потому что она не разрешала детям уходить с уроков в подвал. В подвале, говорила мисс Берд, стоят бойлеры, а хорошо воспитанные дамы и господа в подвал не ходят, потому что там грязно и ужасно. Тем более не ходят в подвал юные дамы и господа. Они ходят в *туалет*.

Чарлз вновь заерзал на стуле.

Тут уж мисс Берд взяла его в оборот.

– Чарлз, – обратилась она к нему, по-прежнему тыча указкой в Боливию, – тебе надо в туалет?

Кэти Скотт, сидящая впереди, хихикнула, благоразумно прикрыв рот рукой.

Кенни Гриффен прыснул и пнул Чарлза под столом.

Чарлз покраснел как свекла.

– Говори, Чарлз, – радостно продолжила мисс Берд. – Тебе надо...
(помочиться, она сейчас скажет помочиться, как всегда)

– Да, мисс Берд.

– Что – да?

– Мне надо спуститься в под... пойти в туалет.

Мисс Берд заулыбалась.

– Хорошо, Чарлз. Ты можешь пойти в туалет и помочиться. Ведь ты идешь туда именно для этого? Помочиться?

Чарлз кивнул, сгорая от стыда.

– Очень хорошо. Иди, Чарлз. И в следующий раз, пожалуйста, не дожидайся, пока я спрошу, не надо ли тебе в туалет.

Все захихикали. Мисс Берд постучала указкой по доске.

Чарлз поплелся к двери. Тридцать пар глаз впелись ему в спину, и каждый из его одноклассников, включая Кэти Скотт, знал, что он идет в туалет, помочиться. А дверь оказалась так далеко. Мисс Берд не продолжила урок. Нет, она хранила молчание, пока он не открыл дверь, не вышел в пустой (какое счастье!) коридор и не закрыл ее за собой.

Спустился к мужскому туалету,

(в подвал, в подвал, в подвал, КАК ХОЧУ, ТАК И ГОВОРЮ)

ведя пальцем по холодной шероховатой стене, пощелкав по доске объявлений и аккуратно погладив стеклянный квадрат,

(РАЗБИТЬ СТЕКЛО В СЛУЧАЕ ОПАСНОСТИ)

прикрывающий кнопку пожарной тревоги.

⁴ Here There Be Tigers. У Stephen King, 1968. У 1997. Д. В. Вебер. Перевод с английского.

Мисс Берд это *правило*. Она млела от удовольствия, вгоняя его в краску. На глазах у Кэти Скотт (вот уж у кого *никогда* не возникало желания спуститься в подвал во время урока) и остальных.

Старая с-у-к-а, подумал он. Последнее слово Чарлз произнес по буквам, потому что годом раньше пришел к выводу, что произносить нехорошие слова по буквам – не грех.

Он вошел в мужской туалет.

Там царил прохлад, а в воздухе стоял слабый, но не такой уж и неприятный запах хлорки. Во время урока тут было чисто, тихо и безлюдно, не то что в прокуренном сортире кинотеатра «Звезда».

Туалет
(*!подвал!*)

построили в виде буквы L. Короткая перекладина начиналась у двери. На стене квадратные зеркала, под ними – фаянсовые раковины, тут же висели бумажные полотенца. Длинную перекладину занимали два писсуара и три кабинки.

Мельком глянув на отражение своего худого, бледного лица в одном из зеркал, Чарлз повернул за угол.

Тигр лежал в дальнем конце, прямо под окошком с матовым стеклом. Большой тигр с черными полосами на желто-коричневой шкуре. При появлении Чарлза он вскинул голову, его зеленые глаза сузились. Из пасти вырвалось негромкое рычание. Мышцы напряглись, тигр поднялся на мощные лапы. Хвост застучал по последнему в ряду писсуару.

Выглядел тигр очень голодным и дурно воспитанным.

Чарлз отпрянул назад. Дверь с пневматической пружиной закрывалась очень долго, но в конце концов встала на место, и он смог перевести дух, почувствовав себя в относительной безопасности. Дверь открывалась только внутрь, а он нигде не читал и ни от кого не слышал, чтобы тиграм хватало ума открывать двери.

Он вытер пот со лба. Сердце разве что не выпрыгивало из груди. Желание же облегчиться не пропало, а наоборот – усилилось.

Чарлз даже согнулся, прижав руку к животу. Вот уж приспичило так приспичило. Будь он уверен, что его не застукают, то юркнул бы в женский туалет. Благо находился он в том же коридоре. Чарлз с тоской воззрелся на далекую дверь, зная, что никогда не решится пойти на такое. Вдруг в подвал спустится Кэти Скотт? Или (о ужас!) заявит сама *мисс Берд*?

А может, тигр ему померещился?

Он чуть приоткрыл дверь, заглянул в туалет.

Тигр высунулся из своего закутка, его глаза сверкали зеленым. Но Чарлзу показалось, что он уловил в них синий отблеск, словно тигринный глаз съел его собственный. Словно...

Чья-то рука легла ему на шею.

Чарлз сдавленно вскрикнул, сердце и желудок подпрыгнули до самого горла. Как он не надул в штаны, осталось загадкой для него самого.

Рука принадлежала самодовольно улыбающемуся Кенни Гриффену.

– Мисс Берд послала меня за тобой, потому что ты пропал на шесть лет. Она тебе всыплет.

– Знаю, – кивнул Чарлз, – но я не могу войти в подвал.

– Так у тебя запор! – Кенни захлебнулся от восторга. – Я обязательно расскажу Кэ-э-эти!

– Не советую! – вырвалось у Чарлза. – И потом, никакого запора у меня нет. Там тигр.

– И что он там делает? – осведомился Кенни. – Писает?

– Не знаю. – Чарлз отвернулся к стене. – Лучше б он оттуда ушел. – Он заплакал.

– Эй. – В голосе Кенни слышались удивление и испуг. – Эй.

– Что же мне *делать*? Я же не нарочно. А мисс Берд скажет...

– Пойдем. – Кенни одной рукой взял Чарлза за руку, второй толкнул дверь. – Ты все выдумал.

И они вошли в туалет, прежде чем Чарлз успел в ужасе выдернуть руку и метнуться назад.
– Тигр, – пренебрежительно фыркнул Кенни. – Парень, мисс Берд тебя *убьет*.
– Он за углом.

Кенни двинулся вдоль раковин.

– Кис-кис. Кис-кис-кис.

– Не ходи! – прошептал Чарлз.

Кенни скрылся за углом.

– Кис-кис. Кис-кис-ки...

Чарлз метнулся за дверь и прислонился к стене, прижав руки ко рту, крепко-крепко закрыв глаза, в ожидании, долгом ожидании крика, крика, крика!

Но ничего не услышал.

Он понятия не имел, сколько простоял, не шевелясь, с лопающимся мочевым пузырем. Не отрывая глаз от двери в мужской туалет. Но она ничего ему не говорила, ничем не намекала на происходящее за ней. Дверь как дверь, что с нее взять.

Он не хотел входить.

Не мог.

Но наконец вошел.

Чистенькие раковины и зеркала, все тот же легкий запах хлорки. Но появился еще какой-то запах. Очень слабый, но неприятный. Какой идет от свеженачищенной меди.

Стеная (про себя) от ужаса, Чарлз двинулся к углу, заглянул за него.

Тигр распластался на полу, вылизывая лапы длинным розовым языком. На Чарлза он взглянул безо всякого интереса. За когти правой лапы зацепился клоч рубашки.

Мочевой пузырь заставил Чарлза забыть обо всем на свете. И желание облегчиться перевесило все страхи. Поскольку путь к писсуарам тигр отрезал, Чарлз попятился к ближайшей от двери раковине.

Мисс Берд влетела в туалет, когда он застегивал ширинку.

– Ах ты мерзкий, гадкий мальчишка, – с ходу охарактеризовала она Чарлза.

Тот все поглядывал на угол.

– Извините меня, мисс Берд... тигр... раковину я собирался помыть... с мылом... клянусь, собирался...

– Где Кеннет? – ровным, спокойным голосом спросила мисс Берд.

– Я не знаю.

Он действительно не знал.

– Он там?

– *Нет!* – вскричал Чарлз.

Но мисс Берд уже огибала угол. С явным намерением наброситься на Кеннета. Если бы она знала, подумал Чарлз, кто ждет ее за углом, рвения у нее поубавилось бы.

Он вновь выскользнул за дверь. Попил воды из фонтанчика. Взглянул на американский флаг, висевший над дверью в спортивный зал. Посмотрел на доску объявлений. Лесные совы призывали: **ЛУЧШЕ УХАТЬ И КРИЧАТЬ, ЧЕМ ПРИРОДУ ЗАГРЯЗНЯТЬ**. Полицейский советовал: **НИКОГДА НЕ САДИТЕСЬ В АВТОМОБИЛЬ К НЕЗНАКОМЫМ ЛЮДЯМ**. И то, и другое Чарлз прочитал дважды.

Затем вернулся в класс, прошествовал по проходу к своему месту, не отрывая глаз от пола, сел. Часы показывали без четверти одиннадцать. Он открыл «Дороги, которые мы выбираем» и начал читать о Билле, попавшем на родео.

Обезьяна

5

Она бросилась в глаза Хэлу Шелберну, когда его сын Деннис извлек ее из заплесневелой картонки «Ролстон-Пурина», задвинутой глубоко под чердачное стропило, и на него нахлынуло такое омерзение, такое отчаяние, что он чуть не закричал. И прижал кулак ко рту, загоня крик обратно... И лишь покашлял в кулак. Ни Терри, ни Деннис ничего не заметили, но Пит недоуменно оглянулся.

– Э-эй, клево! – сказал Деннис с уважением. В разговорах с сыном Хэл теперь редко слышал от него этот тон. Деннису шел тринадцатый год.

– А это что? – спросил Питер и снова посмотрел на отца, но тут же его глаза, как магнитом, притянула находка старшего брата. – Папа, что это?

– Да обезьяна же, пердунчик безмозглый, – сказал Деннис. – Ты что, обезьян никогда не видел?

– Не называй брата пердунчиком, – привычно сказала Терри и наклонилась над коробкой с занавесками. Занавески осклизли от плесени, и она брезгливо выпустила их из рук. – Брр!

– Можно я ее возьму, папа? – спросил Питер. Ему было девять.

– Чего-чего? – вскинулся Деннис. – Ее я нашел!

– Мальчики, перестаньте, – сказала Терри. – У меня голова разбалывается.

Хэл их не слышал. Обезьяна словно тянулась к нему из рук его старшего сына, скалясь в такой знакомой ухмылке – той, которая преследовала его в кошмарах все детские годы, преследовала, пока он не...

Снаружи на крышу налетел порыв холодного ветра, и бесплотные губы протяжно засвистели в старый ржавый водосток. Пит шагнул поближе к отцу, его взгляд тревожно заметался по грубому чердачному потолку в шляпках гвоздей точно в рябинах.

– Кто это там, папа? – спросил он, когда посвист замер в глухих всхлипываниях.

– Просто ветер, – ответил Хэл, не отводя глаз от обезьяны. В слабом свете единственной лампочки без абажура медные тарелки в ее лапах, раздвинутых примерно на фут, больше смахивали на полумесяцы, чем на диски. Они были неподвижны, и он добавил машинально: – Ветер свистит, а самого простого мотивчика не высвистит.

Внезапно он сообразил, что повторил присловье дяди Уилла, и его пробрала холодная дрожь.

Вновь раздалась та же нота – с Кристального озера налетел по длинной крутой дуге еще один порыв ветра и задрожал в водостоке. Полдюжата сквознячков защекотали лицо Хэла холодным октябрьским воздухом. Черт! Чердак был так похож на чуланчик в старом хартфордском доме, что они словно перенеслись на тридцать лет назад во времени.

Не стану думать об этом!

Но конечно, ни о чем другом он думать не мог.

В кладовке, где я нашел проклятую обезьяну в этой же самой картонке.

Терри отошла к деревянному ящику со всякими безделушками – двигалась она вперевалку из-за крутого наклона крыши.

– Она мне не нравится, – сказал Пит и ухватился за руку Хэла. – Пусть ее берет Деннис, если хочет. Папа, может, уйдем отсюда?

– Привидений струсил, говнюшка цыплячья? – осведомился Деннис.

– Деннис, прекрати, – рассеянно сказала Терри и вынула почти прозрачную фарфоровую чашечку с китайским рисунком. – Очень милая. Это...

⁵ The Monkey. У Stephen King, 1980. У 1997. И. Гурова. Перевод с английского.

Хэл увидел, что Деннис нащупал заводной ключ в обезьяньей спине.

– Нет! Не надо! – Ужас окутал его черными крыльями, голос у него невольно сорвался на крик, и он вырвал обезьяну у Денниса, неожиданно для себя. Деннис испуганно оглянулся. Терри тоже поглядела через плечо, а Пит поднял на него глаза. Мгновение они все молчали, а ветер снова засвистел, на этот раз очень тихо, будто было это нежеланным приглашением.

– То есть она, наверное, сломана, – сказал Хэл.

Она и была сломана... пока это ее устраивало.

– Мог бы и не вырывать так, – сказал Деннис.

– Деннис, замолчи!

Деннис заморгал и даже, казалось, смутился. Хэл уже очень давно не говорил с ним так резко. С тех самых пор, как потерял работу в Нэшнл аэродайн в Калифорнии два года назад и они не переехали в Техас. Деннис решил не нажимать... пока. И повернулся к картонке Ролстон-Пурина, снова принялся в ней рыться, но там не оказалось больше ничего, кроме хлама... старые игрушки, кровоточащие сломанными пружинками и набивкой.

Ветер теперь звучал громче, завывал, а не посвистывал. Чердак начал тихонько поскрипывать, словно кто-то ступал по разохшимся половицам.

– Папочка, ну, пожалуйста? – попросил Пит так, чтобы услышать его мог только отец.

– Да-да, – сказал Хэл. – Терри, пойдем.

– Я еще не кончила...

– Я сказал пойдем!

Теперь настала ее очередь испугаться.

Они сняли в мотеле номер с двумя смежными комнатами. В десять вечера мальчики уже крепко спали в своей, а Терри уснула в другой – для взрослых. На обратном пути из дома в Каско она приняла две таблетки валиума. Чтобы помешать нервам довести ее до мигрени. Последнее время она то и дело принимала валиум. Началось это примерно тогда, когда «Нэшнл аэродайн» уволила Хэла. Последние два года он работал в «Техас инструментс» – на четыре тысячи долларов в год меньше, но это была работа. Он говорил Терри, что им повезло. Она соглашалась. Сколько системных программистов живут сейчас на пособие по безработице, – сказал он. Она согласилась. Дома компании в Арнетт были ничуть не хуже, чем их дом во Фресно, – сказал он. Она согласилась, но он подумал, что, соглашаясь, она кривила душой.

И он терял Денниса. Он чувствовал, как мальчик отдаляется, до времени обретя скорость убегания, – прощай, Деннис, бывай, незнакомец, было очень приятно посидеть с вами в этом купе. Терри сказала, что ей кажется, мальчик курит марихуану. Она иногда улавливает запах. Ты должен поговорить с ним, Хэл. И он согласился, но еще не поговорил.

Мальчики спали. Терри спала. Хэл прошел в ванную, запер дверь, сел на опущенную крышку унитаза и посмотрел на обезьяну.

Было отвратительно ощущать ее в пальцах – этот мягонький бурый короткий мех, там и сям в пролысинах. Он ненавидел ее ухмылку – эта макака ухмыляется будто черномазый, сказал как-то дядя Уилл, но ухмылялась она не как черномазый и даже вообще не по-человечески. Не ухмылка, а оскал, и если повернешь ключ, губы задвигаются, зубы словно вырастут – зубы вампира, губы начнут извиваться, а тарелки – ударяться друг о друга, дурацкая обезьяна, дурацкая заводная обезьяна, дурацкая, дурацкая...

Он уронил ее. У него затряслись руки, и он ее уронил.

Ключ звякнул о выложенный плиткой пол. В тишине звук этот показался оглушительным. А она ухмылялась ему, и ее мутно-янтарные глаза, кукольные глаза, были полны кретиничного злорадства, и медные тарелки разведены, словно чтобы грянуть марш какого-то адского оркестра. На обратной стороне были выдавлены слова «Сделано в Гонконге».

– Ты не можешь быть здесь, – прошептал он. – Я бросил тебя в колодец, когда мне было девять.

Обезьяна ухмылялась ему с пола.

В ночи снаружи черное ведро ветра плеснуло на мотель, и стены задрожали.

Билл, брат Хэла, и жена Билла Колетт на следующий день встретили их у дяди Уилла и тети Иды.

– Тебе не приходило в голову, что смерть родных – довольно паршивый повод для возобновления семейных связей? – спросил его Билл с легкой ухмылкой. Его назвали в честь дяди Уилла. Уилл и Билл, чемпионы родео, говаривал дядя Уилл и трепал Билла по голове. Одно из его присловий... вроде того, что ветер свистит, а самого простого мотивчика не высвистит. Дядя Уилл уже шесть лет как умер, и тетя Ида жила здесь одна, пока на прошлой неделе инсульт не свел ее в могилу. Внезапно, сказал Билл, когда позвонил по междугородней, чтобы сообщить Хэлу об этом. Словно бы он мог предвидеть, словно кто-нибудь мог предвидеть. Умерла она совсем одна.

– Угу, – сказал Хэл, – это мне в голову приходило.

Они вместе поглядели на дом, в котором выросли. Их отец, торговый моряк, словно бы исчез с лица земли, когда они были еще совсем маленькими; Билл утверждал, что помнит его, хотя и смутно, но у Хэла никаких воспоминаний не сохранилось. Их мать умерла, когда Биллу было десять, а Хэлу восемь. Тетя Ида привезла их на междугородном автобусе, который останавливался в Хартфорде, и они выросли тут, и отсюда отправились в колледжи. Тут было родное место, по которому их томила ностальгическая грусть. Билл остался в Мэне и теперь был преуспевающим адвокатом в Портленде.

Хэл заметил, что Пит направился к ежевичнику с восточной стороны дома, разросшемуся в настоящие джунгли.

– Пит, держись оттуда подальше! – крикнул он ему.

Пит вопросительно оглянулся. Хэл ощутил нахлынувшую на него такую простую любовь к сыну... и внезапно снова подумал об обезьяне.

– Почему, папа?

– Там где-то заброшенный колодец, – ответил Билл. – Но провалиться мне, если я точно помню где именно. Твой папа прав, Пит, от этого места полезнее держаться подальше. Колючки тебя здорово изукрасят, верно, Хэл?

– Конечно, – ответил Хэл машинально.

Пит пошел назад, даже не оглянувшись, а потом направился вниз к галечному пляжику, где Деннис пускал рикошетом по воде плоские камешки. Хэл почувствовал, что ему немного отпустило сердце.

Возможно, Билл и правда забыл, где находится колодец, но под вечер Хэл безошибочно пробрался к нему через ежевику, которая рвала его старую спортивную куртку и старалась выцарапать глаза. Он дошел до места и, тяжело дыша, уставился на гнилые искривленные доски, прикрывавшие колодец. После недолгого колебания он опустился на колени (под ними словно треснули два выстрела) и сдвинул две доски в сторону.

Со дна этой влажной, выложенной камнями глотки на него смотрело тонущее лицо – вытарашенные глаза, гримасничающий рот. У него вырвался стон, еле слышный, кроме как в его сердце. Там стон был очень громким.

Его собственное лицо в темной воде.

Не морда обезьяны. На мгновение ему там почудилась морда обезьяны.

Он затрясся. Затрясся всем телом.

Я же бросил ее в колодец. Я бросил ее в колодец, Господи Боже, не дай мне сойти с ума. Я бросил ее в колодец.

Колодец высох в то лето, когда умер Джонни Маккейб, в тот год, когда Билл и Хэл приехали жить у дяди Уилла и тети Иды. Дядя Уилл занял деньги в банке, чтобы пробурить артезианский колодец, и вокруг старого, выкопанного, густо разрослась ежевика. Старого высохшего колодца.

Но только вода вернулась. Как вернулась обезьяна.

На этот раз воспоминания взяли верх. Хэл сидел там, поникнув, позволяя им вернуться, пытаясь двигаться с ними, оседлать их, как пловец на доске оседлывает гигантскую волну, которая расплющит его, если он сорвется в нее, пытаясь вытерпеть их, чтобы они опять исчезли.

Он прокрался сюда с обезьяной на исходе того лета, и ягоды ежевики уже перезрели, и запах их был густым и липким. Никто не забирался сюда собирать ягоды, хотя тетя Ида иногда подходила к краю зарослей и собирала горсть-другую в свой передник. Но здесь они перезрели, и многие уже гнили, источая густую белесую жидкость, похожую на гной, а в высокой траве внизу сверчки тянули свою доводящую до иступления песенку: рииииии...

Колючки царапали его, усеивали точками крови щеки и голые руки. Он и не старался избегать их язвящих уколов. Он ослеп от ужаса – настолько ослеп, что чуть было не наступил на гнилые доски колодезной крышки, возможно, чуть было не провалился, не пролетел тридцать футов до илистого колодезного дна. Он замахал руками, удерживая равновесие, и новые колючки оставили на них свои клейма. Именно это воспоминание толкнуло его так резко остановить Пита, заставить мальчика вернуться.

Это был тот день, когда умер Джонни Маккейб, его лучший друг. Джонни взбирался по перекладинам в свой домик на дереве в их заднем дворе. В то лето они проводили много часов на дереве – играли в пиратов, наблюдали за выдуманными галеонами на озере, снимали пушки с передков, брали в рифы стакселя (что бы это ни значило), готовились к абордажу. Джонни карабкался вверх в древесный домик, как карабкался тысячи раз до этого, и перекладина прямо под люком древесного домика сломалась у него в руках, и Джонни пролетел тридцать футов до земли и сломал шею, и все это подстроила обезьяна, обезьяна, чертова мерзкая обезьяна. Когда зазвонил телефон, когда рот тети Иды разинулся и округлился от ужаса, пока ее подруга Милли, жившая дальше по улице, рассказывала ей о случившемся, когда тетя Ида сказала: «Пойдем на веранду, Хэл, случилось очень страшное...», он подумал с тошнотворным ужасом: *Обезьяна! Что натворила обезьяна теперь?*

В тот день, когда он бросил обезьяну в колодец, его лицо не отразилось на дне колодца, не было стиснуто там – только булыжники да вонь илистой сырости. Он посмотрел на обезьяну, лежащую на жесткой траве, которая пробивалась между плетями ежевики, – тарелки развешены в готовности, огромные зубы скалятся между растянутыми губами, мех с чесоточными проплешинами там и сям, мутные стеклянные глаза.

«Ненавижу тебя!» – прошипел он ей, обхватил пальцами мерзкое туловище, почувствовал, как проминается мех. Она ухмылялась ему, когда он поднес ее к лицу. «Ну давай! – подначил он ее, уже плача – впервые за этот день. И встряхнул ее. Тарелки в ее лапах задрожали мелкой дрожью. Обезьяна портила все хорошее. Все-все. – Ну давай же, брякни ими! Брякни!»

Обезьяна только ухмылялась.

– Давай, брякай!!! – Его голос стал пронзительным, истерическим. – Трусишь, трусишь! Давай брякай! Слабо тебе! СЛАБО ТЕБЕ!

Ее коричневато-желтые глаза. Ее огромные злорадные зубы.

И тогда он швырнул ее в колодец, сходя с ума от горя и ужаса. Он увидел, как в падении она перекувырнулась – макака-акробат в обезьяньем цирке, и солнце в последний раз блеснуло на этих тарелках. Она громко ударилась о дно, и, наверное, удар включил механизм – внезапно тарелки забрякали. Их размеренное жестяное бряканье донеслось снизу до его ушей, жутким эхом отдаваясь в каменной глотке мертвого колодца: *блям-блям-блям-блям...*

Хэл прижал ладони ко рту и на мгновение увидел ее там – возможно, только глазами воображения... лежит в иле, глаза свирепо глядят вверх на маленький овал мальчишеского лица, наклоненного над краем колодца (чтобы навсегда его запомнить?), губы раздвигаются и сужаются вокруг скалящихся в ухмылке зубов, тарелки брякают, смешная заводная обезьянка.

Блям-блям-блям-блям, кто умер? Блям-блям-блям-блям, это Джонни Маккейб падает, широко раскрыв глаза, проделывая такой же акробатический кувырок в солнечном воздухе летних каникул, все еще сжимая в руках обломившуюся перекладину, – чтобы удариться о землю с коротким сухим и злым треском, и кровь брызжет из его носа и широко раскрытых глаз? Это Джонни, Хэл? Или это ты?

Со стоном Хэл сдвинул доски над провалом, не обращая внимания на вонзающиеся в руки занозы, заметив их много позже. Но все равно он слышал, даже сквозь доски, приглушенный и оттого почему-то еще более жуткий лязг: там внизу, в замкнутой камнями тьме, она все еще брякала тарелками и дергалась омерзительным телом, а звуки доносились снизу, будто звуки во сне.

Блям-блям-блям-блям, кто умер на этот раз?

Он с трудом продрался назад сквозь плети ежевики. Колючки деловито наносили новые вздувающиеся кровью черточки на его лицо, а репейник вцепился в отвороты его джинсов, и он растянулся во весь рост на земле, а в ушах у него брякало, будто обезьяна нагоняла его. Позднее дядя Уилл отыскал его в гараже – он сидел на старой крыше, горько рыдая, и дядя Уилл решил, что он плачет из-за смерти своего друга. Так оно и было, но плакал он и из-за пережитого ужаса.

Обезьяну он бросил в колодец днем. А вечером, когда сумерки смешались с колышущейся дымкой наземного тумана, машина, мчавшаяся чересчур быстро для такой ограниченной видимости, переехала на дороге кота тети Иды и укатила, даже не притормозив. Кишки размазались повсюду. Билла стошнило, но Хэл только отвернул лицо, бледное окаменевшее лицо, услышав рыдания тети Иды (такое добавление к смерти сыночка Маккейбов вызвало припадок плача почти истерический, и прошло чуть не два часа, прежде чем дядя Уилл ее наконец успокоил), словно бы доносящиеся откуда-то издалека. Его сердце переполняла холодная ликующая радость. Очередь была не его. Погиб кот тети Иды, а не он, не его брат Билл или его дядя Уилли (просто два чемпиона родео). А теперь обезьяны больше нет, она в колодце, и один паршивый кот с ушами, полными клещей, – не такая уж большая цена. Если обезьяна захочет бряцать своими адскими тарелками, пусть ее! Пусть бряцает, пусть брякает для ползающих там козявок и жуков, для темных тварей, которые выбрали своим домом каменную глотку колодца. Она умрет там. В иле и темноте. Пауки соткут ей саван.

* * *

Но... она вернулась.

Медленно Хэл снова закрыл колодец, точно так же, как в тот день, и в ушах у него зазвучало призрачное эхо обезьяньих тарелок: *Блям-блям-блям-блям, кто умер, Хэл? Может, Терри? Деннис? Может, Пит, Хэл? Он же твой любимчик, верно? Так это он? Блям-блям-блям...*

– Положи сейчас же!

Пит вздрогнул, уронил обезьяну, и на Хэла навалился кошмар: значит, опять, значит, толчок приведет механизм в действие и тарелки начнут греметь и лязгать.

– Папа, ты меня испугал.

– Извини. Я просто... Я не хочу, чтобы ты играл с ней.

Они ведь пошли в кино, и он думал, что вернется в мотель раньше них. Но он оставался в старом родном доме дольше, чем ему казалось; бывшие ненавистные воспоминания словно пребывали в своей собственной зоне вечного времени.

Терри сидела возле Денниса и смотрела серию «Придурков из Беверли-Хиллз». Она вглядывалась в старую рябящую ленту с глубокой, дурманной сосредоточенностью, указывающей на недавно проглоченную таблетку валиума. Деннис читал рок-журнал с «Культуристским клубом» на обложке. А Пит сидел по-турецки на ковре и возился с обезьяной.

– Она все равно не заводится, – сказал Пит. «Так вот почему Деннис отдал ее ему», – подумал Хэл, его охватил стыд, и он разозлился на себя. Все чаще и чаще он испытывал приливы необоримой враждебности к Деннису, а потом чувствовал себя мелочным, сварливым... беспомощным.

– Да, – сказал он. – Она старая. Я ее выброшу. Дай ее мне.

Он протянул руку, и Питер тревожно отдал ему обезьяну.

Деннис сказал матери:

– Папаша заделался хреновым шизофреником.

Хэл оказался на другой стороне комнаты, даже не осознав, что сделал первый шаг, сжимая в руке обезьяну, которая ухмылялась с явным одобрением. Он вытащил Денниса из кресла за ворот рубашки. С мурлыкающим звуком лопнул какой-то шов. Потрясение на лице Денниса выглядело почти комичным. «Рок-волна» полетела на пол.

– Э-эй!

– Пойдешь со мной, – свирепо сказал Хэл, таща сына к двери смежной комнаты.

– Хэл! – почти взвизгнула Терри. Пит только вытаращил глаза.

Хэл протащил Денниса через дверь, захлопнул ее, а потом с силой прижал к ней сына.

Вид у Денниса стал испуганным.

– У тебя со ртом непорядок, – сказал Хэл.

– Пусти! Ты мне рубашку порвал, ты...

Хэл снова ударил сына спиной о дверь.

– Да, – сказал он, – большой непорядок. Ты этому в школе научился? Или на задворках для курящих?

Деннис виновато побагровел, и лицо у него безобразно исказилось.

– Я бы не учился в этой говенной школе, если бы тебя не выгнали! – выкрикнул он.

Хэл еще раз стукнул Денниса спиной о дверь.

– Меня не выгнали, а уволили по сокращению штатов, и ты это знаешь, и я обойдусь без твоих дерьмовых прохаживаний на мой счет. Ах, у тебя трудности? Добро пожаловать в мир, Деннис. Только не сваливай их все на меня. Ты сыт. Задница у тебя прикрыта. Тебе двенадцать лет, и в двенадцать лет... я не... намерен... терпеть твоё... дерьмо.

Паузы ложились на рывки, которыми он притягивал мальчика к себе, пока их носы почти не соприкоснулись, а потом опять ударил его спиной о дверь. Не так сильно, чтобы причинить вред, но Деннис перепугался – отец ни разу его не трогал, с тех пор как они переехали в Техас, – и он заплакал, захлебываясь в громких, отрывистых здоровых рыданиях маленького мальчика.

– Ну, давай, избегай меня! – крикнул он Хэлу, и его в красных пятнах лицо искривилось. – Избегай, если хочешь, я же знаю, до чего ты меня, хрен, ненавидишь!

– Ненавижу? Вовсе нет. Я очень люблю тебя, Деннис. Но я твой отец и ты должен меня уважать, или я с тобой разделаюсь.

Деннис попытался высвободиться. Хэл притянул мальчика к себе и крепко его обнял. Деннис несколько секунд вырывался, а затем прижался лицом к груди Хэла и заплакал так, словно у него уже не осталось сил. Такого плача Хэл уже несколько лет не слышал от своих сыновей. Он закрыл глаза, потому что у него тоже не осталось сил.

Терри забарабанила кулаками в дверь:

– Прекрати, Хэл! Что бы там ты с ним ни делал, прекрати!

– Я его не убиваю, – сказал Хэл. – Уйди, Терри.

– Не смей...

– Мам, все нормально, – сказал Деннис, все еще уткнувшись в грудь Хэла.

Он ощущал ее безмолвное недоумение, потом она отошла от двери, и Хэл снова посмотрел на сына.

– Извини, пап, что я тебе нагрубил, – неохотно сказал Деннис.

– Ладно. Принимаю извинения с благодарностью. Когда мы вернемся домой на следующей неделе, я подожду два-три дня, а тогда обыщу все твои ящики, Деннис. Если в них есть что-то, чему на глаза мне попадаться не стоит, лучше выброси загодя.

И вновь проблеск виноватости. Деннис опустил глаза и утер под носом тыльной стороной ладони.

– Можно, я пойду? – Голос у него вновь стал враждебным.

– Конечно, – сказал Хэл и отпустил его.

«Нужно будет весной взять его с собой в лес. Только вдвоем. На рыбалку, как дядя Уилл брал Билла и меня. Нужно стать ему близким. Нужно постараться».

Он сел на кровать в пустой комнате и посмотрел на обезьяну. *Ты никогда не станешь ему близким, Хэл, казалось, сказала ее ухмылка. Не сомневайся. Я вернулась, чтобы снова взять все на себя: ты же всегда знал, что когда-нибудь я вернусь.*

Хэл отложил обезьяну и закрыл глаза ладонью.

Поздно вечером Хэл стоял в ванной, чистил зубы и думал: «Она была в той же самой картонке. Как она могла быть в той же самой картонке?»

Зубная щетка дернулась вверх, царапая десну.

Ему было четыре года, Биллу шесть, когда он в первый раз увидел эту обезьяну. Их пропавший отец купил дом в Хартфорде, и это был их дом, без условий и ограничений, пока он не умер, или не провалился в дыру к центру мира, или... ну, что бы с ним ни произошло. Их мать работала секретаршей на заводе по сборке вертолетов в Хартфорде в компании «Холмс айркрафт», а мальчики оставались с вереницей приходящих нянь, – или один Хэл, потому что Билл уже учился в первом классе школы. Ни одна из них долго не задерживалась. Они беременели и выходили замуж за своих дружков, или устраивались на работу в компанию, или миссис Шелберн обнаруживала, что они прикладывались к бутылке кухонного хереса или к бутылке коньяка, приберегаемого для особых случаев. Почти все были молодыми дурехами, которые словно бы думали о том, как бы поесть всласть и хорошенько выспаться. И ни одна не желала читать Хэлу вслух, как читала ему мама.

Нянькой в ту долгую зиму была могучая, гладкая черная девушка по имени Бьюла. Она так и вилась вокруг Хэла, пока его мать была дома, и иногда шлепала его, когда та уходила. Тем не менее Хэл предпочитал ее другим, потому что она иногда читала ему какую-нибудь жуткую историю из журнала откровенных признаний или сборника подлинных детективных рассказов («Смерть Настигла Роскошную Рыжеволосую Красавицу», – зловеще и нараспев произносила Бьюла в сонной дневной тишине комнаты и бросала в рот очередную шоколадку с арахисовой начинкой, а Хэл внимательно разглядывал нечеткие картинки и пил молоко из своей кружки «Исполнения желаний»). И потому что она ему нравилась, то, что произошло, казалось еще страшнее.

Он нашел обезьяну в марте, в холодный пасмурный день. В окна время от времени била ледяная крупа, а Бьюла спала на диване, и раскрытый номер «Моей истории» стоял домиком на ее великолепной груди.

Хэл прокрался в чулан посмотреть на вещи своего отца.

Чулан этот тянулся по всей длине второго этажа с левой стороны – запасное помещение, оставшееся недостроенным. Входили в него через маленькую дверцу (вроде той, за которой могла оказаться вертикальная кроличья нора), расположенную в той части комнаты мальчиков, которая принадлежала Биллу. Им обоим нравилось забираться туда, хотя зимой там было холодно, а летом жара прямо-таки могла выжать ведро пота из твоих пор. Длинный, узкий и почему-то уютный чулан был полон всякого интересного хлама. И сколько бы вы в нем ни рылись, все равно каждый раз находилось что-то новое. Они с Биллом проводили там по субботам весь день, почти не разговаривая, вытаскивая вещи из ящиков, осматривали, поворачивали в руках так и эдак, чтобы их руки впитывали каждую уникальную реальность, а потом убирали на место. И теперь Хэл подумал, а не пытались ли они с Биллом по мере своих сил каким-то образом отыскать след своего исчезнувшего отца?

Он был торговым моряком с дипломом штурмана, и в чулане лежали стопки морских карт, некоторые с нанесенными на них аккуратными кружками (с ямочкой компасного румба в каждом). И двадцать томов какого-то «Руководства по навигации» Баррона. Набор косоглазых биноклей – если долго смотреть в них, глаза становились словно бы горячими и какими-то непривычными. И всякие сувенирные штучки из десятка портов назначения – резиновые куколочки хула-хула, черный картонный котелок с рваной лентой и надписью на ней: «ВЫБИРАЙ И ПРЯМО В РАЙ», стеклянный шар с крохотной Эйфелевой башней внутри. Конверты с иностранными марками, аккуратно уложенными внутри, и иностранные монеты; и образчики камней с гавайского острова Мауи, стеклянисто-черные и тяжелые и какие-то зловещие – и пластинки с непонятными иностранными надписями на разных языках.

В тот день под гипнотический шорох ледяной крупы на крыше прямо у него над головой Хэл добрался до дальнего конца чулана, отодвинул картонку и увидел за ней еще одну картонку – картонку «Ролстон-Пурина». Из-за ее края выглядывали два стеклянных карих глаза. Он даже вздрогнул и торопливо отскочил, а сердце у него бешено заколотилось, будто он наткнулся на кровожадного пигмея. Затем он заметил безмолвие, стеклянность взгляда и сообразил, что это какая-то игрушка. Шагнул вперед и осторожно вынул ее из картонки.

В желтоватом свете она ухмылялась своей вневременной зубастой ухмылкой, разведя тарелки.

В полном восторге Хэл поворачивал ее так и эдак, чувствуя, как проминается ее мех. Веселая ухмылка ему очень понравилась. Но ведь было же и еще что-то? Почти инстинктивное отвращение, которое вспыхнуло и угасло практически до того, как он его осознал? Может быть, может быть, но с подобными старыми воспоминаниями следует обращаться осторожнее, чтобы не поверить лишнему. Старые воспоминания иногда лгут. Но... разве он не заметил такого же выражения на лице Пита, там, на чердаке старого родного дома?

Он увидел ключ, вставленный в ее задницу, и повернул его. Повернулся ключ слишком уж легко, без пощелкивания механизма. Значит, сломана. Сломана, но все равно симпатяга.

Он забрал ее, чтобы играть с ней.

– Чтой-то это у тебя, Хэл? – спросила Бьюла, проснувшись.

– Ничего, – сказал Хэл. – Я ее нашел.

Он устроил обезьяну на полке в своей части спальни. Поставил на стопку книжек-раскрасок про Лесси, и она ухмылялась оттуда, глядя в пространство, раздвинув тарелки. Она была сломана, но все равно скалила зубы. Ночью Хэл проснулся от какого-то тревожного сна с полным мочевым пузырем и встал, чтобы пройти в ванную в коридоре. Билл был дышащим бугром на кровати по ту сторону комнаты.

Хэл вернулся, уже засыпая... как вдруг в темноте обезьяна начала бряцать тарелками.

Блям-блям-блям-блям...

Он разом проснулся, словно его хлопнули по лицу мокрым холодным полотенцем. Его сердце подпрыгнуло от неожиданности, из горла вырвался мышинный писк. Он уставился на обезьяну, вытаращив глаза. Губы у него дрожали.

Блям-блям-блям-блям... Ее туловище раскачивалось и выгибалось на полке. Губы расплзались и смыкались, расплзались и смыкались в жутком веселье, обнажая огромные хищные зубы.

– Перестань, – прошептал Хэл.

Его брат перевернулся на другой бок и испустил громкий храп. И снова полная тишина... если не считать обезьяны. Тарелки бряцали и лязгали, и, конечно, они разбудят его брата, его мать, весь мир. Они мертвых разбудят.

Блям-блям-блям-блям...

Хэл подошел к ней, чтобы как-нибудь ее остановить. Ну, сунуть ладонь между тарелками, пока завод не кончится, но тут она сама остановилась. Тарелки в последний раз столкнулись – *блям!* – и медленно разошлись в исходное положение. Медь мерцала в тени. Грязно-желтые зубы обезьяны скалились в ухмылке.

В доме снова воцарилась полная тишина. Его мать повернулась в постели и тоже один раз всхрапнула, как Билл. Хэл вернулся к себе в постель, натянул одеяло на голову. Его сердце отчаянно колотилось, и он подумал: «Завтра я уберу ее назад в чулан. Не нужна она мне».

Но на следующее утро он забыл про обезьяну, потому что его мать не пошла на работу. Бьюла умерла. Мама не рассказала им, как это произошло. «Несчастный случай, просто ужасный несчастный случай», – ничего больше она не сказала. Но днем, возвращаясь домой из школы, Билл купил газету и под рубашкой пронес четвертую страницу к ним в комнату. Билл запинаясь прочитал Хэлу статью, пока их мать на кухне готовила ужин. Но заголовок Хэл сумел прочесть и сам: «ДВОЕ УБИТЫ В КВАРТИРНОЙ ПЕРЕСТРЕЛКЕ. Бьюла Маккаффри, 19 лет, и Салли Тремонт, 20 лет, были застрелены приятелем мисс Маккаффри Леонардом Уайтом, 25 лет, в результате спора, кому сходить за заказанным китайским ужином. Мисс Тремонт скончалась в приемном покое Хартфордской больницы. Бьюла Маккаффри умерла на месте происшествия».

Так похоже на Бьюлу – исчезнуть в одном из ее детективных журналов, подумал Хэл Шелберн и почувствовал, как холодный озноб пробежал по его спине, а потом опоясал сердце. И тут он понял, что выстрелы раздались примерно тогда, когда обезьяна...

– Хэл? – сонный голос Терри. – Ты ложишься?

Он выплюнул зубную пасту в раковину и прополоскал рот.

– Да, – сказал он.

Еще раньше он убрал обезьяну в свой чемодан и запер его. Дня через два-три они улетят назад в Техас. Но еще прежде он навсегда избавится от этой чертовой штуки.

Уж как-нибудь.

– Сегодня днем ты был очень крут с Деннисом, – сказала Терри в темноте.

– Мне кажется, Деннису уже давно требуется, чтобы кто-то обходился с ним круто. Он разболтался. Я не хочу, чтобы он испортился.

– Психологически, избивание мальчика не самый хороший...

– Я его не избивал, Терри... побойся Бога!

– ...способ утвердить родительский авторитет...

– Избавь меня от дерьма дискуссионных групп, – сердито сказал Хэл.

– Я вижу, ты не желаешь этого обсуждать. – Голос у нее был ледяной.

– И еще я ему сказал, чтобы он убрал наркотики из дома.

– Да? – Теперь ее голос стал тревожным. – Как он это воспринял? Что он сказал?

– Послушай, Терри! Что он мог сказать? «Вы уволены?»

– Хэл, да что с тобой? Так не похоже на тебя! Что случилось?

– Ничего, – ответил он, думая об обезьяне, запертой в его чемодане. Услышит он, если она начнет лязгать тарелками? Да, безусловно. Приглушенные, но различимые звуки. Налязгивать гибель, как тогда на Бьюлу, и на Джонни Маккейба, и на Дейзи, собаку дяди Уилла. Блям-блям-блям, это ты, Хэл? – Я переутомился.

– Надеюсь, что и только. Потому что такой ты мне не нравишься.

– Да? – И слова вырвались у него, прежде чем он успел их удержать. Но хотел ли он их удерживать? – Так проглоти таблетку, и все снова станет тип-топ.

Он услышал, как она судорожно втянула воздух и прерывисто выдохнула. И заплакала. Он мог бы ее утешить (вероятно), но утешать у него не осталось сил. Слишком велик был ужас. Станет легче, когда он избавится от обезьяны, избавится навсегда. Дай Господи, чтобы навсегда.

Второй раз обезьяну нашел Билл.

Примерно через полтора года после того, как Бьюла Маккаффри умерла на месте происшествия. Было лето. Хэл как раз простился с детским садом.

Он вернулся домой, наигравшись, и его мать крикнула:

– Вымойте ваши руки, сеньор, грязный, как свийнья.

Хэл символично ополоснул руки холодной водой и припечатал грязными пятнами ручное полотенце.

– Где Билл?

– Наверху. Скажи, чтобы он убрал свою половину комнаты. Настоящий хлев.

Хэл, которому нравилось быть вестником неприятных распоряжений в подобных делах, взлетел по лестнице. Билл сидел на полу. Дверца, ведущая в чулан, была распахнута. В руках он держал обезьяну.

– Она поломана, – выпалил Хэл.

Ему стало страшно, хотя он почти забыл, как вернулся из ванной в ту ночь, а обезьяна внезапно забряцала тарелками. Примерно через неделю ему приснился страшный сон про обезьяну и Бьюлу – что именно ему снилось, он не помнил, но он проснулся с воплем и подумал, что мягко прижимается к его груди обезьяна, что он откроет глаза и увидит, как она ухмыляется ему сверху вниз. Но конечно, это была просто подушка, которую он стиснул от ужаса. Вошла мама, чтобы успокоить его глотком воды и двумя мучнисто-оранжевыми детскими аспиринами, транквилизаторами нежных младенческих лет. Она думала, что кошмар вызвала смерть Бьюлы. И не ошиблась, хотя было все совсем не так, как она полагала.

Все это он успел почти совсем забыть, но обезьяна продолжала внушать ему страх. Особенно ее тарелки. И зубы.

– Да знаю я, – сказал Билл и отшвырнул обезьяну. – Ни на что не годится.

Обезьяна упала на кровать Билла, уставилась в потолок, держа тарелки наготове.

– Пошли к Тедди за эскимо? – предложил Билл.

– Я мои карманные уже потратил, – сказал Хэл. – А мама велела, чтобы ты убрал свою половину комнаты.

– Потом уберу, – сказал Билл. – И дам тебе взаймы пять центов, если хочешь. – Билл бывал не прочь ожечь Хэла веревкой по ногам, повалить его или отвесить ему оплеуху без видимой причины, но по большей части он был что надо.

– Пошли! – сказал Хэл с благодарностью. – Я только сперва уберу обезьяну в чулан, ладно?

– Не-а, – сказал Билл вскакивая. – Идем-идем-идем.

И Хэл пошел. Настроение у Билла менялось быстро, и замешкайся он с обезьяной, так мог бы лишиться фруктового эскимо. Они пошли к Тедди и купили не просто какое-то там

эскимо, а самое редкое, черничное. Потом отправились на игровую площадку, где какие-то ребята как раз прицелились устроить бейсбольный матч. Хэл был еще слишком маленьким, чтобы участвовать в игре, но он уселся в уголке, лизал свое черничное эскимо и гонялся за мячом, если он вылетал за линию – старшие ребята называли это «китайской пробежкой». Домой они добрались уже в сумерки, и мама отшлепала Хэла за грязные пятна на ручном полотенце, и отшлепала Билла за то, что он не прибрал свою половину комнаты, а после ужина они смотрели телик, и за всем за этим Хэл совсем забыл про обезьяну. Каким-то образом она забралась на полку Билла и стояла рядом с фотографией Билла Бойда, которую тот надписал для Билла. И там она простояла почти два года.

К этому времени Хэлу исполнилось семь, приходящие няни превратились в перевод денег, и миссис Шелберн каждое утро распорядилась перед уходом: «Билл, присматривай за братом».

Однако в тот день Биллу пришлось остаться в школе после уроков, и Хэл пошел домой один, останавливаясь на каждом перекрестке и, прежде чем перейти улицу, убеждаясь, что ни справа, ни слева не видно ни единой машины. А тогда бросался через мостовую, вжимая голову в плечи, точно пехотинец, пересекающий ничейную полосу. Достал ключ из-под коврика, отпер дверь и тут же направился к холодильнику налить себе стакан молока. Он достал бутылку, но тут же она выскользнула из его пальцев и разбилась об пол – осколки так и брызнули во все стороны.

Блям-блям-блям-блям, донеслось сверху из их комнаты. Блям-блям-блям, приветик, Хэл! Добро пожаловать домой. И кстати, Хэл, это ты? Это ты на этот раз? И тебя найдут мертвым на месте происшествия?

Он застыл там, глядя на бутылочные осколки, на молочную лужу, полный ужаса, который не мог ни назвать, ни понять. Просто ужас этот сочился из всех его пор.

Он повернулся и кинулся по лестнице в их комнату. Обезьяна стояла на полке Билла и словно бы смотрела на него в упор. Фотографию с автографом Билла Бойда обезьяна сбросила лицом вниз на кровать Билла. Обезьяна раскачивалась, ухмылялась и стучала тарелки друг о друга. Хэл медленно подходил к ней, против воли, но не в силах остановиться. Тарелки рывком раздвигались, лязгали, снова раздвигались. Подойдя ближе, он услышал, как урчит механизм в обезьяньем нутре.

Внезапно с воплем отвращения и ужаса он смахнул ее с полки, как смахивают жука. Она ударилась о подушку Билла и свалилась на пол, тарелки бряцали *блям-блям-блям*, губы размыкались и смыкались, а она лежала на спине в позднеапрельском солнечном луче.

Хэл наподдал ей носком ботинка, наподдал со всей мочи, и теперь у него вырвался вопль ярости. Заводная обезьяна пролетела через весь пол, ударилась о стену и осталась лежать неподвижно. Хэл уставился на нее, сжимая кулаки; сердце у него бешено колотилось. Она в ответ лукаво ухмыльнулась ему. В одном стеклянном глазу пылающей точкой отражалось солнце. *Пинай меня сколько хочешь, словно говорила она ему, я же всего шестереночки, да колесици, да парочка истершихся рычажков, так пинай меня сколько вздумается, я же не настоящая, а просто смешная заводная обезьянка – вот и все, что я такое, а кто умер? На вертолетном заводе произошел взрыв! Что это взмывает в небо точно большой шар из чертова кегельбана – весь в крови и с глазами там, где положено быть ямкам для пальцев? Это голова твоей матери, Хэл? Ух ты! Здорово прокатилась голова твоей матери! А там на углу Брук-стрит! Смотри, смотри, приятель! Машина мчалась слишком быстро! Водитель был пьян! И одним Биллом в мире меньше! Ты расслышал, как хрустнуло, когда колесо прокатилось через его череп и мозг прыснул у него из ушей? Да? Нет? Может быть? Не спрашивай меня, я ж не знаю, не могу знать, все, что я знаю, это как греметь тарелками блям-блям-блям и кто умер на месте происшествия, Хэл? Твоя мать? Твой брат? Или ты, Хэл? Или ты?*

Он снова ринулся к ней, чтобы раздавить, растоптать, прыгать на ней, пока колесики и шестереночки не разлетятся во все стороны, а эти жуткие стеклянные глаза не покатаются по полу. Но в тот момент, когда он был уже перед ней, ее тарелки вновь сошлись в очень тихом *блям...* когда какая-то пружина внутри подтолкнула последний зубчик... и стенки его сердца, как легкий шепот, будто пронизала ледяная игла, пригвоздив его, охладив его ярость, вновь оставив его на жертву тошнотному ужасу. А обезьяна словно бы знала – такой злорадной была ее ухмылка.

Он подобрал ее, защемив одно плечо между большим и указательным пальцами правой руки, искривив рот от омерзения, будто держал труп. Ее вытертый искусственный мех, касавшийся его кожи, казался лихорадочно горячим. Он кое-как открыл крохотную дверцу чулана и зажег электрическую лампочку. Обезьяна ухмылялась ему, пока он пробирался по всей длине чердака между ящиками, нагроможденными на другие ящики, мимо томов навигационного руководства и альбомов с фотографиями, от которых пахло старыми химикалиями, мимо сувениров и старой одежды, и Хэл думал: «Если она начнет брякать тарелками прямо сейчас и задвигается у меня в руке, я закричу, а если я закричу, она будет не только ухмыляться, она начнет хохотать, хохотать надо мной, и тогда я сойду с ума, и они найдут меня тут: я буду пускать слюни и хохотать будто сумасшедший, я буду сумасшедшим, ну, пожалуйста, Боженька, пожалуйста, добрый Иисус, пусть я не стану сумасшедшим...»

Он добрался до дальнего конца, негнушными пальцами раздвинул две картонки, опрокинув одну, и запихнул обезьяну назад в картонку «Ролстон-Пурина» в самом дальнем углу. А она уютно прислонилась к картону, будто наконец добралась домой. Тарелки держала наготове и ухмылялась своей обезьяньей ухмылкой, будто все равно в дураках остался Хэл. А он начал пробираться назад, потея, то совсем горячий, то ледяной – огонь и лед, и ждал, чтобы забряцали тарелки, а когда они забряцают, обезьяна выпрыгнет из картонки и побежит за ним, точно жук: механизм жужжит, тарелки грохочут и...

...и ничего этого не случилось. Он повернул выключатель, захлопнул дверцу кроличьей норы и прислонился к ней, тяжело дыша. В конце концов ему немного полегчало. Он спустился по лестнице на подгибающихся ногах, достал пустой пакет и начал аккуратно подбирать острые осколки, зазубренные осколки молочной бутылки, все время думая, что вот сейчас он порежется и истечет кровью до смерти – если это подразумевали бряцающие тарелки. Но и этого не случилось. Он достал тряпку, вытер разлитое молоко и сел ждать, вернутся ли домой его мать и брат.

Первой пришла мама и сразу спросила:

– А где Билл?

Тихим, бесцветным голосом, уже полностью уверенный, что Билл умер на месте происшествия, Хэл начал объяснять про собрание школьного театрального кружка, прекрасно понимая, что даже с самого долгого собрания Билл должен был вернуться домой полчаса назад.

Мама посмотрела на него очень внимательно, уже спросила, что с ним, но тут дверь открылась и вошел Билл... только это был совсем не Билл, ну, совсем. Это был Билл-призрак, бледный и безмолвный.

– Что с тобой? – воскликнула миссис Шелберн. – Билл, что с тобой?

Билл заплакал и сквозь слезы рассказал им. Машина, сказал он. Они с его другом Чарли Силверменом пошли домой вместе после собрания, а из-за угла Брук-стрит вдруг вылетела машина на огромной скорости, и Чарли застыл на месте, Билл дернул Чарли за руку, но не удержал ее, а машина...

Билл почти задохнулся в громких судорожных рыданиях, и мама обняла его, прижала к себе, стала укачивать, а Хэл посмотрел наружу на крыльцо и увидел, что там стоят два полицейских. А у тротуара стояла патрульная машина, в которой они привезли Билла домой. Тут он и сам заплакал... но его слезы были слезами облегчения.

Теперь настала очередь Билла мучиться кошмарами – снами, в которых Чарли Силвермен умирал снова и снова, вырванный из своих ковбойских сапог, брошенный на проржавелый капот «хадсон-хорнета», которым управлял алкоголик. Голова Чарли Силвермена и ветровое стекло «хадсона» столкнулись с силой взрыва и разбились вдребезги. Пьяный водитель, владелец кондитерской в Милфорде, перенес сердечный приступ почти сразу, как его задержали (возможно, причиной были обрывки мозга Чарли Силвермена, засыхавшие на его брюках), и на суде его адвокат весьма успешно использовал тему: «Этот человек уже достаточно наказан». Алкоголику дали шестьдесят дней (условно) и лишили привилегии управлять транспортными средствами с мотором в штате Коннектикут в течение пяти лет... примерно такой же срок Билла Шелберна мучили кошмары. Обезьяна была снова спрятана в чулане. Билл даже не заметил, что она исчезла с его полки... или если все-таки заметил, то ничего не сказал.

Некоторое время Хэл чувствовал себя в безопасности. Он даже начал снова забывать про обезьяну, верить, что это был просто страшный сон. Но когда он вернулся домой из школы в тот день, когда умерла его мать, она снова стояла на его полке, разведя тарелки, ухмыляясь ему.

Он подошел к ней медленно, словно бы вонне самого себя; казалось, при виде обезьяны его собственное тело превратилось в заводную игрушку. Он увидел, как его рука протянулась и взяла ее с полки. Почувствовал, как искусственный мех промялся под его пальцами, но ощущение было каким-то приглушенным, просто нажимом – словно его накачали новокаином. Он слышал свое дыхание, частое, сухое, будто на ветру шелестела солома.

Он перевернул ее, схватил ключ... Много лет спустя он думал, что именно в таком наркотическом одурении человек прижимает шестизарядный револьвер с одним патроном в барабане к закрытому подрагивающему веку и спускает курок.

Нет, не надо... оставь ее выбрось ее не трогай ее...

Он повернул ключ и в тишине услышал идеально ровное пощелкивание завода. Когда он отпустил ключ, обезьяна начала брякать тарелкой о тарелку, а он чувствовал, как дергается ее туловище – изогнется и дерг, изогнется и дерг, – будто она была живой, она и была живой, извиваясь в его пальцах точно какой-то омерзительный пигмей, и вибрации, которые он ощущал сквозь ее лысеющий коричневый мех, не были вращением колесиков, а ударами ее сердца.

Со стоном Хэл выронил обезьяну, попятился, впиваясь ногтями в кожу под глазами, зажимая ладонями рот. Он споткнулся обо что-то и с трудом удержался на ногах (не то бы он очутился на полу рядом с ней и его выпученные голубые глаза уставились бы в ее стеклянные карие). Кое-как он добрался до двери, вышел спиной вперед, захлопнул ее, прислонился к ней. Внезапно он кинулся в ванную, и его стошнило.

Рассказать им пришла миссис Стаки с вертолетного завода и оставалась с ними две бесконечные ночи, пока из Мэна не приехала тетя Ида. Их мать умерла днем от инсульта. Стояла у бачка с охлажденной водой, держа в руке полный стаканчик, и вдруг упала как подстреленная, все еще держа бумажный стаканчик. Другой рукой она попыталась уцепиться за бачок и увлекла в своем падении большую стеклянную бутылку «Польской воды». Она разбилась... но заводской врач, который тут же прибежал, позже говорил, что, по его мнению, миссис Шелберн умерла еще до того, как вода просочилась сквозь ее платье и белье и смочила ее кожу. Мальчикам ничего этого не рассказывали, но Хэл все равно знал. В долгие ночи после смерти матери это снова и снова снилось ему. «Тебе все еще трудно заснуть, братик?» – спросил его Билл, и Хэл решил, что Билл, наверное, думает, что он мечется на постели и видит страшные сны, потому что их мать умерла так внезапно, и это было верно... но только отчасти верно. Еще была вина – неумолимое смертоносное сознание, что он убил свою мать, заведя обезьяну, когда в тот солнечный день вернулся из школы.

Когда Хэл наконец заснул, сон его, видимо, был очень глубоким. Когда он проснулся, время приближалось к полудню. Пит сидел по-турецки в кресле у противоположной стены, методично поедая апельсин, дольку за долькой, и следя по телевизору за каким-то матчем.

Хэл скинул ноги на пол с ощущением, что кто-то уложил его спать ударом кулака... а потом вторым ударом вышиб в явь. В висках у него стучало.

– Пит, а где мама?

Пит оглянулся.

– Они с Деннисом пошли по магазинам. Я сказал, что посижу с тобой. Пап, а ты всегда разговариваешь во сне?

Хэл посмотрел на сына с опаской.

– Нет. А что я такого сказал?

– Ничего нельзя было разобрать. Я даже испугался немножко.

– Ну, сейчас я опять в своем уме, – сказал Хэл и умудрился чуть улыбнуться. Пит расплылся в ответной улыбке, и Хэл вновь испытал прилив простой отцовской любви, ясной, сильной, ничем не осложненной. И спросил себя, почему он всегда чувствует себя с Питом так хорошо, чувствует, что понимает Пита, может ему помочь, и почему Деннис кажется окном, слишком темным, чтобы было можно заглянуть внутрь, загадочным в своих поступках и привычках – мальчиком, которого ему не дано понять, потому что сам он таким мальчиком не был никогда. Слишком уж легко сослаться на то, что переезд из Калифорнии изменил Денниса, или что...

Его мысли оборвались. Обезьяна! Обезьяна сидит на подоконнике, разведя тарелки. Хэл почувствовал, как у него оборвалось сердце, замерло и вдруг заколотилось. В глазах у него помутилось, и без того тяжелая голова словно раскололась от боли.

Она выбралась из чемодана и теперь стояла на подоконнике, ухмылялась ему. *Думал, ты избавился от меня, а? Но ты и прежде так думал, а?*

Да, подумал он с тошнотным ужасом. Да.

– Пит, ты вынул обезьяну из моего чемодана? – спросил он, уже зная ответ. Ведь чемодан он запер, а ключ спрятал в карман пальто.

Пит взглянул на обезьяну, и по его лицу скользнуло выражение... тревоги, подумал Хэл.

– Нет, – сказал Пит. – Ее туда посадила мама.

– Мама?

– Ну да. Забрала ее у тебя. И засмеялась.

– Забрала у меня? О чем ты говоришь?

– Ты забрал ее к себе в кровать. Я зубы чистил, а Деннис увидел. Он тоже смеялся. Сказал, что ты спишь будто сосунок с мишкой. Плюшевым.

Хэл посмотрел на обезьяну. Во рту у него так пересохло, что он не мог сглотнуть. Она была с ним в кровати? В кро-ва-ти?! Этот гадостный мех прижимался к его щеке, а может быть и к губам! Эти злобные глазки глядели на его спящее лицо, а ухмыляющиеся зубы были совсем рядом с его горлом! Впивались ему в горло?! О Господи!

Он резко отвернулся и подошел к стенному шкафу. Чемодан стоял там. Все так же запертый. И ключ лежал в кармане его пальто.

Позади него раздался шелчок, и телевизор смолк. Хэл медленно отошел от шкафа. Пит смотрел на него очень серьезно.

– Папа, мне эта обезьяна не нравится, – сказал он еле слышным шепотом.

– И мне тоже, – сказал Хэл.

Пит посмотрел на него пристально, проверяя, не пошутил ли он. И увидел, что нет. Он подошел к отцу и крепко его обнял. Хэл почувствовал, что мальчик весь дрожит.

И тут Пит зашептал ему на ухо, очень торопливо, словно опасаясь, что у него не хватит духа сказать это еще раз... или что его услышит обезьяна.

– Она как будто смотрит прямо на тебя. Где бы ты ни был в комнате, она смотрит на тебя. И если уйдешь в другую комнату, она смотрит на тебя сквозь стену. У меня такое чувство, будто... будто я ей для чего-то нужен.

Пит затрясся. Хэл обнял его покрепче.

– Будто она хочет, чтобы ты ее завел, – сказал Хэл.

Пит отчаянно закивал.

– Она ведь на самом деле не сломана, верно, пап?

– Иногда сломана, – сказал Хэл, глядя на обезьяну через плечо сына. – Но иногда она заводится.

– Меня все время тянуло пойти и завести ее. Было так тихо, и я думал: нельзя, она разбудит папу, но меня все равно тянуло, и я пошел туда и я... я дотронулся до нее, и мне стало так противно... но и понравилось... а она будто говорила: «Заведи меня, Пит, и мы поиграем, твой папа не проснется, он вообще больше не проснется, заведи меня... заведи меня»...

Внезапно мальчик заплакал.

– Она плохая, я знаю, она плохая. Какая-то скверная. Нельзя ее выбросить, пап? Ну пожалуйста!

Обезьяна ухмыльнулась Хэлу своей нескончаемой ухмылкой. Он ощущал слезы Пита, которые разгоразживали их. Позднее утреннее солнце пускало зайчиков от медных тарелок в обезьяньих лапах на простой беленый потолок номера в мотеле.

– Когда мама с Деннисом должны вернуться, Пит? Она сказала?

– К часу. – Мальчик вытер покрасневшие глаза рукавом рубашки, смущаясь своих слез и упорно отводя глаза от обезьяны. – Я включил телик, – шепнул он. – Громко-громко.

– И правильно сделал, Пит.

«Как это произошло бы? – думал Хэл. – Инфаркт? Эмболия, как у моей матери? Как? Хотя какое это имеет значение, так ведь?»

И следом другая, холодящая мысль: «Избавиться от нее, говорит он. Выбросить. Но можно ли от нее избавиться? Хоть когда-нибудь?»

Обезьяна ухмылялась ему язвительно, разведя тарелки на фут. Она внезапно ожила ночью, когда умерла тетя Ида, вдруг подумалось ему. И последний звук, который та слышала, были приглушенные *блям-блям-блям* тарелок, которыми обезьяна хлопала в черноте чердака, а ветер свистел в водостоке...

– Может, не так уж бессмысленно, – медленно сказал Хэл сыну. – Сбегай-ка за своей авиасумкой, Пит.

Пит растерянно посмотрел на него.

– А что мы будем делать?

Может, от нее можно избавиться, может, навсегда или на какой-то срок... долгий срок или короткий. Может, она будет возвращаться, и возвращаться, и все тут... но, может, я... мы сумеем распрощаться с ней надолго. На этот раз ей на возвращение потребовалось двадцать лет. Ей потребовалось двадцать лет, чтобы выбраться из колодца...

– Поедем прокатиться, – сказал Хэл. Он был спокоен, только внутри словно бы налился тяжестью. Даже глазные яблоки, казалось, набрали веса. – Но сначала сходи с авиасумкой в конец автостоянки и отыщи там пару-другую камней побольше. Положи их в сумку и принеси сумку мне. Понимаешь?

Глаза Пита ответили «да».

– Хорошо, папа.

Хэл посмотрел на часы. Почти четверть первого.

– Пошевеливайся. Я хочу уехать, пока мама не вернулась.

– А куда мы едем?

– В дом дяди Уилла и тети Иды, – сказал Хэл. – В старый родной дом.

Хэл вошел в ванную, заглянул за унитаз и извлек щетку-ерш. С ней он вернулся к окну и встал там, держа ее в руке, точно уцененный магический жезл. Он следил, как Пит в суконной курточке шел через автостоянку с сумкой, на которой белые буквы, маршируя по голубому фону, провозглашали название авиакомпании «ДЕЛЬТА». В верхнем углу окна жужжала муха, медлительная и отупевшая на исходе теплых дней. Хэл прекрасно понимал, как она себя чувствует.

Он следил, как Пит подобрал три увесистых камня и пошел назад через стоянку. Из-за угла мотеля выскочила машина – на большой скорости, слишком большой, и не думая, подчиняясь рефлексу, как хороший вратарь в броске, Хэл резко опустил руку со щеткой, точно каратист, наносящий удар ребром ладони... Рука замерла.

Тарелки беззвучно уперлись в нее с обеих сторон, и Хэл ощутил в воздухе что-то... Что-то вроде ярости.

Взвизгнули тормоза машины. Пит отскочил, человек за рулем махнул ему – раздраженно, будто виноват был Пит. И мальчик припустил через стоянку так быстро, что воротник куртки заколыхался. Затем он скрылся в задней двери мотеля.

По груди Хэла струился пот; он ощущал его капли у себя на лбу, точно маслянистую изморось. Тарелки холодно вжимались в его руку, и она немела.

«Валяй, – думал он угрюмо. – Валяй, я так хоть весь день простою. До скончания века, если понадобится».

Тарелки разошлись и застыли в неподвижности. Хэл услышал легкий щелчок во внутренних обезьяны. Он приподнял щетку и осмотрел ее. Кое-где щетинки почернели, словно их опалили.

Муха билась о стекло и жужжала, стремясь к холодному солнечному свету, казавшемуся таким близким.

В комнату влетел Пит, часто дыша, разруганный.

– Пап, я нашел три отличных! Пап, я... – Он запнулся. – Папа, тебе нехорошо?

– Наоборот, – сказал Хэл. – Давай-ка сумку.

Хэл ногой подтащил стол к окну от дивана и поставил на него сумку. Она оказалась чуть ниже подоконника. Потом открыл ее – точно раздвинул губы в оскале. Он увидел, как на дне заискрились камни, которые нашел Пит. Щеткой для чистки унитаза он зацепил обезьяну и дернул. Она закачалась, а потом упала в сумку. Раздалось чуть слышное *дзинь!* Одна из тарелок задела камень.

– Пап? Папа? – Голос Пита казался испуганным. Хэл оглянулся на него. Что-то было не так. Что-то изменилось. Но что?

Тут он проследил, куда смотрит Пит, и понял. Жужжание мухи смолкло. Она лежала на подоконнике мертвая.

– Это обезьяна сделала? – спросил Пит.

– Пошли, – сказал Хэл, задергивая молнию сумки. – Я все тебе расскажу по дороге в старый родной дом.

– А как мы поедем? Мама с Деннисом взяли машину.

– Не беспокойся, – сказал Хэл и взъерошил Питу волосы.

* * *

Он показал регистратору свои шоферские права и двадцатидолларовую бумажку. Взяв в залог наручные электронные часы Хэла, регистратор вручил ему ключи от собственной машины – старенького «гремлины» фирмы АМК. Они повернули на север по шоссе 302 в сторону Каско, и Хэл заговорил – сначала запинаясь, потом все быстрее. Для начала он сказал

Питу, что скорее всего обезьяну привез его отец из дальнего плавания в подарок сыновьям. Игрушка эта не особенно редкая, в ней не было ничего особенного или ценного. В мире, наверное, есть сотни тысяч заводных обезьян – некоторых делают в Гонконге, некоторых на Тайване, а некоторых в Корее, но где-то по пути – возможно даже, в темном чулане дома в Коннектикуте, где началось взросление двух мальчиков – с обезьяной что-то произошло. Что-то плохое. Не исключено, сказал Хэл, улепившая регистраторский «гремлин» набрать скорость свыше сорока миль в час, что многое плохое – или даже почти все плохое – на самом деле знать не знает, что оно такое. На этом он остановился, поскольку дальше Пит просто бы не понял, однако мысленно продолжил ход своих рассуждений. Он подумал, что по большей части зло похоже на обезьяну с механизмом внутри, который ты заводишь; колесики вращаются, тарелки начинают бряцать, зубы скалиться, глупые стеклянные глаза смеяться... или как будто смеяться.

Он рассказал Питу, как нашел обезьяну, но этим ограничился: он не хотел наводить новый ужас на уже перепуганного мальчугана. А потому его рассказ утратил связность и ясность, но Пит не задавал вопросов: возможно, он мысленно сам заполнял пробелы, подумал Хэл, вот как он сам снова и снова видел во сне смерть матери, хотя не присутствовал при ней.

Дядя Уилл и тетя Ида были на похоронах вместе. А потом дядя Уилл вернулся в Мэн (было время жатвы), а тетя Ида осталась с мальчиками еще на две недели, чтобы привести дела покойной сестры в порядок, прежде чем увезти Билла и Хэла в Мэн. Но не только – она потратила это время и на то, чтобы дать им узнать ее получше: смерть матери так их оглушила, что они впали в прострацию. Если им не удавалось уснуть, она была рядом со стаканом теплого молока; когда Хэл просыпался в три ночи от кошмара (кошмара, в котором его мать подходила к бачку и не видела, что в его прохладной сапфировой глубине плавает и подпрыгивает обезьяна, ухмыляется и брякает тарелками, и всякий раз, сходясь, они оставляют за собой шлейфы пузырьков), она была рядом; когда через три дня после похорон Билл слег в жару и рот у него изнутри усыпали язвочки, а потом началась крапивница, она была рядом. Вот так мальчики узнали ее получше, и до того, как они отправились с ней на автобусе из Хартфорда в Портленд, и Билл, и Хэл, каждый в свой черед, пришли к ней и выплакались у нее на груди, а она обнимала их и нежно покачивала, и вот так их связала любовь.

Накануне того дня, когда они навсегда покинули Коннектикут и уехали в Мэн («на Север», как говорили тогда), прикатил на своем дребезжащем грузовичке старьевщик и забрал кучу всяких ненужных вещей, которые Билл и Хэл перенесли из чулана на тротуар. Когда весь хлам был там сложен, тетя Ида попросила их еще раз осмотреть чулан и взять на память то, что им особенно хотелось бы сохранить. Для всего у нас просто места нет, мальчики, сказала она им, и Билл, решил Хэл, наверное, поймал ее на слове и в последний раз порылся во всех завлекательных ящиках и картонках, оставшихся после их отца. Хэл не присоединился к старшему брату. Чулан Хэла больше не манил. В эти первые две недели горя ему в голову пришла жуткая мысль: вдруг их отец не просто исчез, не сбежал, потому что ему не сиделось на одном месте и он понял, что семейная жизнь не для него.

Вдруг его забрала обезьяна!

Когда Хэл услышал, как по улице, дребезжа, хлопая глушителем, пердя синим дымом, катит грузовичок старьевщика, он собрался с духом, сдернул обезьяну с полки, где она стояла со дня смерти их матери (до этой минуты он не осмеливался прикоснуться к ней, даже чтобы швырнуть назад в чулан), и сбежал с ней по лестнице. Ни Билл, ни тетя Ида его не видели. На бочке, забитой сломанными безделушками и проплесневевшими книгами, стояла картонка «Ролстон-Пурина», полная того же. Хэл с силой засунул обезьяну назад в картонку, откуда она появилась, истерически подначивая ее забряцать тарелками (*давай же, давай, слабо тебе, слабо тебе, СЛАБО ТЕБЕ, слышишь?!*), но обезьяна просто ждала там, небрежно прислонясь спиной к краю, будто на автобусной остановке, и ухмылялась своей жуткой ухмылкой, будто ей все было известно заранее.

Хэл отошел в сторонку, маленький мальчик в старых вельветовых штанишках, в стоптаных сапожках, когда старьевщик, итальянский джентльмен, который ходил с крестом на шее и насвистывал сквозь щель между зубами, начал грузить ящики и бочки в дряхлый грузовичок с деревянными бортами. Хэл смотрел, как он поднял бочку вместе с картонкой Ролстон-Пурина на ней; он смотрел, как обезьяна скрылась в кузове грузовичка; он смотрел, как старьевщик забрался в кабину, гулко высморкался в ладонь, вытер ее огромным красным носовым платком и завел мотор, оглушительно взревший и выбросивший клуб вонючего сизого дыма; он смотрел, как грузовичок уезжает по улице. И тяжелый груз скатился с его сердца, он просто почувствовал, как оно освободилось. И подпрыгнул раз, другой как мог выше, раскинув руки, повернув ладони наружу, и если бы кто-нибудь из соседей его увидел, так они сочли бы это странным, почти кошунственным – *почему этот мальчик прыгает от радости* (ведь так и было: прыжок от радости не замаскируешь ни подо что другое), уж конечно, спросили бы они себя, *а еще и месяца не прошло, как схоронили его мать?*

А прыгал он потому, что избавился от обезьяны. Избавился навсегда.

То есть так он думал.

Меньше чем через три месяца тетя Ида послала его на чердак за елочными украшениями, и пока он шарил, разыскивая коробки с ними, пропылив насквозь колени штанишек, он внезапно опять столкнулся с ней лицом к лицу и от изумления и ужаса впился зубами в край ладони, лишь бы не закричать... лишь бы не потерять сознание. А она ухмылялась своей зубастой ухмылкой, разведя тарелки на фут в полной готовности, небрежно прислоняясь в углу картонки «Ролстон-Пурина», будто ждала автобуса на остановке и, казалось, говорила: *Думал, ты от меня избавился? Но от меня так легко не избавишься, Хэл. Ты мне нравишься, Хэл. Мы были созданы друг для друга – просто мальчик и его любимая обезьянка, парочка старых друзей-приятелей. А где-то к югу отсюда глупый старый итальянский старьевщик лежит в ванне на львиных лапах, глазные яблоки у него выпучились из орбит, а вставные челюсти полувыскочили изо рта, его вопящего рта; старьевщик, который воняет, как замкнувшаяся батарейка. Он оставил меня для своего внука, Хэл, он поставил меня на полку в ванной рядом с его мылом, и его бритвой, и его кремом для бритья, и его радиоприемником, настроенным на матч «Бруклин Доджерс», а я начала бряцать, и одна моя тарелка задела этот старый приемничек, а он бухнулся в ванну, и тогда я пошла к тебе, Хэл, шла проселочными дорогами по ночам, и лунный свет отражался от моих зубов в три часа ночи, и я оставила много мертвецов во многих местах. Я пришла к тебе, Хэл, я твой рождественский подарок, так что заведи меня, и кто умер? Это Билл? Это дядя Уилл? Это ты, Хэл? Это ты?*

Хэл пятился, пятился, жутко гримасничая, глаза у него закатывались, и он чуть не упал, пока спускался с чердака. Тете Иде он сказал, что не нашел елочные игрушки – он впервые солгал ей, и по его лицу она увидела, что он лжет, но не спросила его, почему он солгал (слава Богу), а попозже, когда пришел Билл, попросила его поискать, и он принес игрушки с чердака. А еще попозже, когда они остались вдвоем, Билл зашипел на него – ну и олух же он: своей задницы не отыщет, хоть обеими руками, хоть с фонариком. Хэл ничего не сказал. Хэл был очень бледным и молчал, и только поковырял свой ужин. А ночью ему снова приснилась обезьяна – одна тарелка ударила по радиоприемничку, пока Дин Мартин выпевал из него: «Когда в небе луна загорится, как огромная круглая пицца», ломаясь под итальянца, и приемничек кувыркнулся в ванну, а обезьяна ухмыльнулась и брякнула тарелками *БЛЯМ*, и *БЛЯМ*, и *БЛЯМ*; но только когда вода стала электрической, в ванне лежал не старьевщик.

В ней лежал он.

Хэл и его сын торопливо спустились к лодочному сараю позади старого родного дома, поставленному на сваях над водой. В правой руке Хэл нес авиасумку. В горле у него пересохло, уши настроились на противоестественный воющий звук. Сумка была очень тяжелой.

Хэл поставил сумку.

– Не трогай ее, – сказал он, нашарил в кармане кольцо с ключами, которое дал ему Билл, и взялся за ключ с аккуратной надписью на полоске липкого пластыря «Л. САРАЙ».

День был ясный, холодный, ветреный под слепяще голубым небом. Листва деревьев, которые теснились к самой воде, уже обрела все яркие осенние краски от кроваво-алой до желтизны школьного автобуса. Листья шептались на ветру. Листья кружили вокруг ног Пита, застывшего в тревожном ожидании, и Хэл уловил в порыве ветра запахи ноября и надвигающейся следом зимы.

Ключ повернулся в висячем замке, и Хэл дернул дверь на себя. Как хорошо он все помнил! Даже не взглянув вниз, он придвинул чурбак, не дающий двери захлопнуться. Внутри пахло только летом – парусина, лакированное дерево, сохранившееся пьянящее тепло.

Лодка дяди Уилла была на своем обычном месте, весла аккуратно уложены вдоль бортов, будто дядя Уилл только накануне погрузил в нее рыболовную снасть и две упаковки «Блек лейбл» по шесть банок в каждой. И Билл, и Хэл много раз отправлялись ловить рыбу с дядей Уиллом, но никогда вместе. Дядя Уилл считал, что для троих лодка слишком мала. Красная кайма, опоясывающая борта, которую дядя Уилл обновлял каждую весну, теперь поблекла и облупилась, а нос лодки пауки заткали шелком паутины.

Хэл ухватил лодку и стащил ее по слипу на галечный пляжик. Рыбалка была одной из главных радостей его детских лет, проведенных у дяди Уилла и тети Иды. Ему казалось, что и Билл чувствует то же. Обычно дядя Уилл был молчаливейшим из людей, но стоило ему поставить лодку по своему вкусу в шестидесяти – семидесяти ярдах от берега, забросить удочки, он, глядя на покачивающиеся поплавки, открывал банку пива для себя и банку для Хэла (он редко выпивал больше половины этой единственной банки, которую разрешал ему дядя Уилл с обязательным ритуальным предупреждением не проговориться тете Иде, потому что «она на месте меня пристрелит, узнай она, что я вас, мальчиков, пивком угощаю, сам понимаешь») и становился разговорчивым. Рассказывал всякие истории, отвечал на вопросы, опять наживлял крючок Хэла, когда требовалось, а лодка тихонько дрейфовала по воле ветра и легкого течения.

– А почему ты никогда не выплываешь на середину, дядя Уилл? – как-то спросил Хэл.

– Погляди-ка за борт, – ответил дядя Уилл.

Хэл поглядел. Он увидел голубую воду и свою леску, уходящую в черноту.

– Ты смотришь в самую глубину Кристального озера, – сказал дядя Уилл, одной рукой сминая пустую пивную банку, а другой вытаскивая новую. – Сто футов и ни на дюйм меньше. Там где-то старый «студебекер» Эймоса Каллигена. Дурак чертов съехал на озеро в начале декабря, когда лед еще не окреп. Еще повезло, что он живым выбрался. Ну а «студа» им никогда не вытащить и не увидеть до Страшного Суда. Озеро глубже глубокого, черт его дерит. Крупные прямо тут плавают, Хэл. Вот и нечего дальше заплывать. Ну-ка, посмотрим, как твой червячок поживает. Вытаскивай его, сукина сына.

Хэл вытащил и, пока дядя Уилл наживлял на его крючок нового мотыля из старой жестянки из-под лярда, которая заменяла ему коробку для наживки, Хэл смотрел в воду, точно замороженный, пытаясь разглядеть старый «студебекер» Эймоса Каллигена, проржавевший насквозь, и водоросли колыхнутся в открытом окне с шоферской стороны, через которое Эймос выбрался в самую последнюю секунду; водоросли фестонами свисают с рулевого колеса точно гниущее ожерелье; водоросли болтаются на зеркале заднего вида, и течение перебирает их будто невиданные четки. Но видел он только голубизну, переходящую в черноту, и там посреди всего покачивался мотыль дяди Уилла, пряча крючок в своих извивах. Своя особая реальность в солнечном луче, пронизывающем толщу воды. На мгновение Хэл сквозь головокружение почувствовал, что он сам подвешен над гигантским провалом, и на мгновение зажмурился, пока голова не перестала кружиться. В этот день, вспомнилось ему, он словно бы выпил всю банку пива.

...Самая глубина Кристального озера... сто футов и ни на дюйм меньше.

Он на секунду замер, тяжело дыша, и поглядел вверх на Пита, который все так же тревожно следил за ним.

– Тебе помочь, папа?

– Немножко погода.

Он перевел дух и потащил лодку через узкую полоску песка к воде, оставляя позади широкую борозду. Краска облезла, но лодка хранилась под брезентом и выглядела прочной.

Когда они с дядей Уиллом отправлялись на озеро, дядя Уилл стаскивал лодку по слипу, а когда нос оказывался в воде, забирался внутрь, хватал весло, чтобы оттолкнуться, и говорил: «Ну-ка, толкни меня, Хэл... Отрабатывай свою долю!»

– Дай сумку, Пит, а потом толкни лодку, – сказал он. И чуть улыбаясь добавил: – Отрабатывай свою долю.

Пит не улыбнулся в ответ.

– А я поплыву, папа?

– Не в этот раз. В другой раз я возьму тебя ловить рыбу, но... не сейчас.

Пит нерешительно промолчал. Ветер ерошил его каштановые волосы, несколько желтых листьев, совсем сухих, спланировали через его плечи и опустились на воду у кромки берега, покачиваясь, будто лодки.

– Тебе надо было бы обмотать их, – сказал он еле слышно.

– Что? – Но он не сомневался, что понял Пита правильно.

– Обложить тарелки ватой. Примотать ее пластырем. Чтобы она не могла... лязгать.

Хэл внезапно вспомнил, как Дейзи брела к нему – не шла, а пошатывалась, – и как внезапно кровь брызнула из обоих глаз Дейзи, потекла струйками, намочила шерсть у нее на груди и закапала на пол амбара... а Дейзи упала на передние лапы... и в неподвижном весеннем воздухе этого дождливого дня он услышал лязг, не приглушенный, но странно четкий, доносившийся с чердака дома в пятидесяти футах от амбара: *Блям-блям-блям-блям!*

Он истерически закричал, уронил охапку дров, которые нес для плиты, кинулся на кухню за дядей Уиллом, который ел яичницу с жареным хлебом, еще даже не натянув подтяжки на плечи.

«Она была старая собака, Хэл, – сказал дядя Уилл, а лицо у него было осунувшееся, грустное, он и сам выглядел старым. – Ей же уже двенадцать лет стукнуло, а для собаки это старость. Ну и хватит... старушке Дейзи это не понравилось бы».

«Старая» сказал и ветеринар, но все равно вид у него был встревоженный, потому что собаки не умирают от массивных мозговых кровоизлияний даже в двенадцать лет. («Ну, прямо словно кто-то взорвал шутиху у нее в голове». Хэл услышал, как ветеринар сказал это дяде Уиллу, когда дядя Уилл рыл яму за сараем, неподалеку от места, где он в 1950 году похоронил мать Дейзи. «Я в жизни ничего подобного не видел, Уилл!»)

А позже, с ума сходя от ужаса и все-таки не в силах противиться, Хэл пробрался на чердак.

Приветик, Хэл, как делишки? Обезьяна ухмылялась из своего темного угла. Тарелки были разведены на фут или около того. Подушка с дивана, которую Хэл поставил между ними, теперь валялась в другом конце чердака. Что-то... какая-то сила швырнула ее так, что материя лопнула и набивка пеной вылезла наружу. Не грусти из-за Дейзи, шептала обезьяна у него в голове, а ее стеклянные карие глаза пристально смотрели в широко открытые глаза Хэла Шелберна. Не грусти из-за Дейзи, она была старая, Хэл, ведь даже ветеринар сказал так, да, и кстати: ты видел, как кровь потекла у нее из глаз. Хэл? Заведи меня, Хэл. Заведи меня, давай поиграем, и кто мертвый, Хэл? Это ты?

А когда он опомнился, то подползал к обезьяне, будто загипнотизированный. Одна рука уже тянулась к ключу. Он отпрянул назад и чуть было не скатился с чердачной лестницы – да и скатился бы, не будь она такой узкой. Из его горла вырывался придушенный писк.

А теперь он сидел в лодке и смотрел на Пита.

– С тарелками ничего сделать нельзя, – сказал он. – Я уже пробовал.

Пит испуганно покосился на свою аэросумку.

– И что случилось, папа?

– Ничего, о чем бы мне хотелось говорить, – сказал Хэл, – а тебе слушать. Ну-ка, оттолкни меня.

Пит нагнулся, поднатужился, и корма лодки заскрипела по песку. Хэл помог толчком весла, и внезапно ощущение прикованности к земле исчезло, и лодка легко скользнула вперед, сама себе хозяйка после долгих лет в темном сарае, закачалась на маленьких волнах. Хэл взял второе весло и запер уключины.

– Будь поосторожнее, папа, – сказал Пит.

– Я скоро, – обещал Хэл, но взглянул на аэросумку и заколебался.

Он начал грести, налегая на весла. В крестце и между плечами появилась старая, такая знакомая ноющая боль. Берег удалялся. Пит у кромки воды вновь магически стал шестилетним... четырехлетним... и заслонял глаза от солнца младенческой ручонкой.

Хэл посматривал на берег, но не позволял себе вглядываться в него. Прошло почти пятнадцать лет, внимательный взгляд подмечал бы только изменения, а не былые приметы, и он бы свернул с нужного направления. Солнце пекло ему шею, и он вспотел. Покосился на аэросумку и на миг сбился с ритма. Сумка, казалось... казалось, вздувалась. Он начал грести быстрее.

Налетел порыв ветра, высушил пот, охладил кожу. Лодка вздыбилась, и нос, опускаясь, разрезал воду. Ветер вроде бы посвежел за последнюю минуту? И Пит кричит ему что-то? Да. Но ветер не позволял разобрать слова. Но не важно. Избавиться от обезьяны еще на двадцать лет, а может

(дай, Господи, навсегда)

навсегда. Вот что было важно.

Лодка вздыбилась и опустилась. Он взглянул налево и увидел белые барашки. Снова взглянул на берег и увидел Охотничий мыс и провалившуюся крышу – в дни их с Биллом детства это, наверное, был лодочный сарай Бердонов. Значит, он почти добрался. Почти добрался до места, где прославленный «студебекер» Каллигена провалился под лед в давнем-давнем декабре. Почти до самого глубокого места в озере.

Пит отчаянно выкрикивал что-то – выкрикивал и тыкал пальцем. Но Хэл все равно не мог его расслышать. Лодка накренялась и раскачивалась, разбрасывая облачка мелких брызг по сторонам ободранного носа. В одном повисла крохотная радуга и была разбита. По озеру скользили пятна солнечного света и нагоняли тени, и волны уже не были ласковыми – барашки стали больше, круче. Пот высох, кожа пошла пупырышками, как от холода, а спина куртки намочила от брызг. Он упрямо греб, а его взгляд перескакивал с береговой линии на аэросумку. Нос вновь задрался, и на этот раз так высоко, что лопасть левого весла загребла воздух вместо воды.

Пит указывал на небо, а его вопли доносились теперь, будто слабеющее звонкое эхо.

Хэл поглядел через плечо.

Озеро превратилось в свистопляску волн. Оно обрело мертвенно-темную синеву, исполованную белыми швами. По воде к лодке стремительно скользила тень, и в форме ее было что-то знакомое, что-то столь жутко знакомое, что Хэл взглянул вверх, и в его сжавшемся горле забилась вопль, стараясь вырваться наружу.

Солнце спряталось за тучу, превратив ее в сгорбленную движущуюся фигуру, а по краям горели золотом два полумесяца, словно разведенные тарелки. В одном конце тучи зияли две дыры, и из них вырывались два снопа солнечных лучей.

Пока туча скользила над лодкой, залязгали тарелки обезьяны, только чуть приглушенные сумкой. *Блям-блям-блям-блям, это ты, Хэл, наконец-то это ты, сейчас ты над самой глубокой частью озера, и пришла твоя очередь, твоя очередь, твоя очередь...*

Все береговые приметы разом заняли свои места. Гниющий остов «студебекера» Эймоса Каллигена лежал где-то под лодкой, здесь таились самые крупные, здесь было место.

Хэл одним движением закинул весла вдоль бортов, наклонился вперед, не обращая внимания на бешеное раскачивание лодки, и схватил аэросумку. Тарелки творили свою дикую языческую музыку, бока сумки вздувались и опалили словно от зловещего дыхания.

– Прямо тут, сукина дочь! – выкрикнул Хэл. – ПРЯМО ТУТ!

Он швырнул сумку за борт.

Она утонула стремительно. Какое-то мгновение он видел, как она опускается ниже, ниже, и все это бесконечное мгновение *он все еще слышал лязг тарелок*. И на миг черная вода словно обрела прозрачность, и он мог заглянуть в эту страшную водную бездну, где покоились самые крупные: «студебекер» Эймоса Каллигена, а за осклизлым рулем – мать Хэла: ухмыляющийся скелет, и из одной костяной глазницы холодно пучил глаза озерный окунь. Возле нее полулежали дядя Уилл и тетя Ида, и седые волосы тети Иды тянулись вверх, а сумка, снова и снова переворачиваясь, падала мимо, и несколько серебряных пузырьков поднялись вверх: *блям-блям-блям-блям...*

Хэл резко погрузил весла в воду, оцарапав костяшки пальцев до крови (*и, о Господи, на заднем сиденье «студебекера» Эймоса Каллигена было полно мертвых детей! Чарли Силвермен... Джонни Маккейб...*), и начал поворачивать лодку.

Между его ступнями раздался резкий сухой треск, будто пистолетный выстрел, и внезапно из щели между двумя досками выступила прозрачная вода. Лодка же старая, старое дерево чуть ссохлось, вот и все. Да и течь крохотная. Но когда он выгребал от берега, течи не было вовсе, он мог в этом поклясться.

Озеро и берег переместились в поле его зрения. Пит теперь был у него за спиной. Над головой жуткая обезьяноподобная туча начинала рассеиваться. Хэл налег на весла. Двадцати секунд оказалось достаточно, чтобы осознать – гребет он, спасая свою жизнь. Пловец он был так-сяк, а в этих внезапно разбушевавшихся волнах и чемпиону пришлось бы нелегко.

Еще две доски внезапно разошлись с тем же звуком пистолетного выстрела. Воды в лодке сразу прибавилось, она залила его ботинки. Послышались металлические пощелкивания – он понял, что это ломаются гвозди. Запор одной из уключин сломался и канул в воду. Не последует ли за ним сама уключина?

Ветер теперь бил ему в спину, будто стараясь остановить его, а то и отогнать назад на середину озера. Его охватил ужас, но в ужасе этом было и какое-то безумное радостное возбуждение. На этот раз обезьяна исчезла навсегда. Почему-то он твердо это знал. Что бы ни случилось с ним, обезьяна не вернется омрачить жизнь Деннису или Питу. Обезьяна исчезла – быть может, упокоилась на крыше или капоте «студебекера» Эймоса Каллигена на дне Кристального озера. Исчезла навсегда.

Он греб, нагибаясь вперед и откидываясь назад. Вновь раздался этот хрустящий треск, и теперь ржавая банка из-под лярда, валявшаяся на носу лодки, плавала в воде, поднявшеюся на три дюйма. В лицо Хэла летели брызги. Снова хруст, гораздо более громкий: носовая скамья разлетелась на два куска, и они поплыли рядом с ржавой банкой для наживки. От левого борта оторвалась доска, а затем другая – от правого борта у самой ватерлинии. Хэл греб и греб. Горячее сухое дыхание шелестело у него во рту, а затем из его глотки поднялся медный привкус усталости. Ветер ерошил слипшиеся от пота волосы.

Теперь трещина пробежала по всему дну лодки, образовала зигзаг у него между ступнями и устремилась к носу. Вода взметнулась фонтаном, поднялась до голеней, лизнула колени. Он греб и греб, но лодка уже почти не продвигалась вперед. Он не осмеливался оглянуться на берег, проверить, насколько до него далеко.

Оторвалась еще доска. Трещина, разделившая дно, начала разветвляться точно молодое деревце. Вода заполняла лодку. Хэл со всей мочи налегал на весла, хрипя, все больше задыхаясь. Гребок, второй... а на третьем вырвались обе уключины. Одно весло он упустил, но вцепился в другое, встал и начал загребать им воду. Лодка качнулась, чуть было не перевернулась и опрокинула его назад на скамью.

Еще несколько досок отлетели, скамья переломилась, и он погрузился плашмя в воду между бортами, изумившись тому, какая она ледяная. Он попытался встать на колени, с отчаянием думая: «Пит не должен увидеть этого, увидеть, как утонет его отец у него на глазах. Плыви! По-собачьи, если иначе не умеешь, но не жди, плыви...»

Раздался еще один треск – оглушительный – и он уже плыл к берегу, плыл, как никогда еще не плавал... а берег оказался на удивление близко. Еще минута – и он уже стоит, погруженный в воду по пояс, всего в пяти шагах от пляжа.

Пит, разбрызгивая воду, побежал к нему, крича, смеясь, плача. Хэл двинулся к сыну и потерял равновесие, Пит в воде по грудь забарахтался.

Они ухватились друг за друга.

Хэл, судорожно лоя ртом воздух, тем не менее подхватил мальчика на руки и выбрался с ним на пляж, где оба растянулись на песке, тяжело дыша.

– Пап? Ее больше нет? Этой противной обезьяны?

– Да, думаю, ее больше нет. И на этот раз – навсегда.

– А лодка развалилась. Она... взяла и развалилась вокруг тебя.

Хэл посмотрел на доски, покачивающиеся на воде футах в сорока от берега. Они ничем не напоминали крепкую, собранную вручную лодку, которую он вытащил из лодочного сарая.

– Теперь все хорошо, – сказал Хэл, опираясь на локти. Он зажмурил глаза и подставил лицо теплым лучам солнца.

– А тучу ты видел? – шепнул Пит.

– Да, но теперь не вижу ее... а ты?

Они оба посмотрели на небо. По нему там и сям плыли пушистые облачка, но черной тучи нигде не было. Она исчезла, как он и сказал.

Хэл поднял Пита и поставил на ноги.

– В доме есть полотенца. Пошли! – Но он остановился, глядя на сына. – Ты просто с ума сошел: надо же вот так броситься в воду.

Пит поглядел на него очень серьезно.

– Ты такой храбрый, папа.

– Неужели? – Мысль о храбрости не приходила ему в голову. Был только страх. Такой огромный страх, что он заслонял все остальное. Если было что заслонять. – Пошли, Пит?

– А маме мы что скажем?

Хэл улыбнулся.

– Понятия не имею, парень. Что-нибудь сочиним.

Он еще помедлил, глядя на доски, плавающие в воде. Озеро опять стало почти зеркальным. Легкая рябь искрилась и блестела. Внезапно Хэл подумал о людях, приезжающих летом на озеро, людях, ему неизвестных. Возможно, отец с сыном забрасывают спиннинги на самых крупных. «У меня клюет, папа!» – кричит мальчик. «Ну так подсекай! Посмотрим твою добычу», – говорит отец, и из глубины возникает, волоча водоросли на тарелках, ухмыляясь своей жуткой приветственной ухмылкой... обезьяна.

Он вздрогнул... но это же было только предположение...

– Пошли, – снова сказал он Питу, и они зашагали вверх по тропинке через пламенеющий октябрьский лес к старому родному дому.

* * *

*Из «Бриджтон ньюс»
24 октября 1980*

Бетси Мориерти

ТАЙНА ПОГИБШЕЙ РЫБЫ

В конце прошлой недели сотни погибших рыб, плавающих брюхом вверх, были замечены в Кристальном озере в окрестностях городка Каско. Наибольшее количество, видимо, погибло возле Охотничьего мыса, хотя течения не позволяют установить это с полной точностью. Среди погибших рыб были все виды, водящиеся в озере: ушастые окуни, щуки, черные окуни, карпы, сартаны, радужная форель и даже один не вернувшийся в море лосось. Специалисты в полном недоумении...

Возвратившийся Каин

6

С яркого майского дня Гарриш вошел в прохладу общежития. Какое-то время его глаза привыкали к сумраку холла, так что поначалу он лишь услышал голос Гарри Бобра, донесшийся из тени.

– Жуткий предмет, не правда ли? – спросил Бобер. – Действительно жуткий.

– Да, – кивнул Гарриш. – Крепкий орешек.

Теперь его глаза различали Бобра. Тот тер прыщи на лбу, а мешки под глазами блестели от пота. Одет он был в сандалии на босу ногу и футболку. На груди висел значок-кнопка, гласящий, что Хоуди Дуди – извращенец. В полумраке белели громадные передние зубы Бобра.

– Я собирался сдать его еще в январе, – бубнил Бобер. – Говорил себе, что надо сдавать, пока есть время, но вот дотянул до последнего. Думаю, я провалил экзамен, Курт. Честное слово.

В углу, у почтовых ящиков, стояла комендантша. Невероятно высокая женщина, чем-то похожая на Рудольфа Валентино. Одной рукой она пыталась вернуть ляжку бюстгалтера под платье, другой прикрепляла к доске объявлений какую-то бумажку.

– Тяжелый случай, – вздохнул Гарриш.

– Я хотел тебя кое о чем спросить, но не решился, потому что у этого парня глаза как у орла. Ты думаешь, что опять получишь «А»?

– Я думаю, что, возможно, завалил экзамен.

У Бобра отвисла челюсть.

– Ты думаешь, что *завалил*? Ты думаешь, что...

– Я пойду приму душ, ладно?

– Да, конечно, Курт. Конечно. Это был твой последний экзамен.

– Да, это был мой последний экзамен, – эхом отозвался Гарриш.

Он пересек холл, толкнул дверь и стал подниматься по лестнице. Пахло там, как в мужской раздевалке. Сколько же лет ходили по этим ступеням! Его комната находилась на пятом этаже.

Куин и другой идиот с третьего этажа, с волосатыми ногами, протиснулись мимо него, перекидываясь футбольным мячом. Заморыш в очках в роговой оправе, еле волочащий ноги, попался ему между четвертым и пятым этажами. Учебник по алгебре он прижимал к груди, словно Библию, а губы его повторяли шепотом логарифмы. Глаза парня были пусты, как чисто вымытая классная доска.

Гарриш остановился и посмотрел ему вслед, гадая, а не показалась бы этому убогому смерть благом, но, пока он раздумывал, заморыш уже скрылся из виду. Гарриш поднялся на пятый этаж и направился к своей комнате. Свин уехал два дня назад. Четыре экзамена за три дня, пам-бам, мерси, мадам. Свин знал, как ухватить жизнь за шкирку. От него остались только фотографии красоток, два вонючих носка от разных пар да керамическая пародия на «Мыслителя» Родена, сидевшего, по воле подражателя гению, на унитазе.

Гарриш вставил ключ в замочную скважину.

– Курт! Эй, Курт!

Роллингс, тупорылый старший по этажу, который отправил Джимми Броуди к декану за пьянку, махал ему рукой с лестничной площадки. Высокий, хорошо сложенный, с короткой стрижкой.

– Ну как, развязался? – спросил Роллингс.

⁶ Cain Rose Up. У Stephen King, 1968. У 1997. Д. В. Вебер. Перевод с английского.

- Да.
- Не забудь подмести пол и составить список разбитого и неработающего, ладно?
- Сделаем.
- Бланк я подсунул тебе под дверь в прошлый вторник, не так ли?
- Было дело.
- Если меня в комнате не будет, подсунешь заполненный бланк и ключ мне под дверь, хорошо?

– Обязательно.

Роллингс схватил его за руку и дважды тряхнул. Рука у Роллингса была сухая, кожа – шершавая. Гарриш словно провел ладонью по рассыпанной по столу соли.

- Веселого тебе лета, парень.
- Спасибо.
- Только не перетрудись.
- Ладно.
- Поработать можно, но главное – не перетрудиться.
- Буду иметь в виду.

Роллингс окинул Гарриша взглядом, рассмеялся.

– Тогда счастливо тебе.

Он хлопнул Гарриша по плечу и двинулся дальше, задержавшись у комнаты Рона Фрейна, чтобы сказать тому, что стерео надо приглушить. Гарриш представил себе мертвого Роллингса, лежащего в канаве. По его глазам ползали мухи. Роллингса это не волновало. Мух – тоже. Или ты ешь мир, или мир ест тебя, третьего не дано.

Гарриш постоял, пока Роллингс не скрылся из виду, потом вошел в комнату.

Со Свином пропал и сопутствующий ему бардак, так что комната выглядела пустой и стерильной. От груды вещей на кровати Свина остался один матрац. А со стены лыбились две двухмерные красотки с разворотов «Плейбоя».

А вот половина комнаты, которую занимал Гарриш, совсем не изменилась, там всегда поддерживался казарменный порядок. Если б кто бросил четвертак на его кровать, он отскочил бы от натянутого одеяла. Такая аккуратность просто бесила Свина. Он защищался по английскому языку и литературе, и с чувством слова у него все было в порядке. Гарриша он называл бюрократом. Пустую стену за кроватью Гарриша украшал лишь постер Хамфри Богарта, который он купил в книжном магазине колледжа. Боджи, в подтяжках, держал в каждой руке по автоматическому пистолету. Свин еще заявил, что пистолеты и подтяжки – символы импотенции. Гарриш сомневался, что Боджи – импотент, хотя ничего о нем и не читал.

Он подошел к стенному шкафу, открыл дверцу, достал карабин («магнум», калибр 352) с прикладом из орехового дерева, подаренный ему на Рождество отцом, методистским священником. Телескопический прицел к карабину Гарриш купил сам, в марте.

Действующие в колледже инструкции не допускали хранения оружия, даже охотничьих карабинов, в комнатах общежития, но контролировались они не очень жестко. Вот и Гарриш забрал карабин из камеры хранения днем раньше, самолично расписавшись на бланке-разрешении на выдачу оружия. Карабин он уложил в водонепроницаемый чехол и спрятал в лесу за футбольным полем. А в три часа утра сходил за ним и принес в свою комнату. Благо все спали и его никто не заметил.

Гарриш посидел на кровати, положив карабин на колени, поплакал. «Мыслитель» смотрел на него с туалетного сиденья. Гарриш положил карабин на кровать, поднялся, подошел к столу Свина, взял керамическую статуэтку и хряпнул об пол. И тут же в дверь постучали.

Гарриш спрятал карабин под кровать.

– Входите.

Вошел Бейли, в одних трусах. Из пупка торчала вата. Вот уж у кого не было будущего. Женится Бейли на глупой женщине, народятся у них глупые дети. А потом он умрет от рака или инфаркта.

– Как химия, Курт?

– Нормально.

– Слушай, а конспекты не одолжишь? У меня экзамен завтра.

– Сжег их сегодня утром.

– Ну надо же! Господи, это проделки Свины? – Он указал на остатки «Мыслителя».

– Наверное.

– Зачем он это сделал? Мне нравилась эта вещица. Я собирался купить ее у него. – Острыми чертами лица Бейли напоминал Гарришу крысу. А трусы у него были старые, заштопанные. Гарриш легко представил его умирающим от эмфиземы в кислородной палатке. Пожелтевшего. *Я мог бы избавить тебя от мук*, подумал Гарриш.

– Как ты думаешь, он не будет возражать, если я позаимствую этих крошек?

– Пожалуй, что нет.

– Хорошо. – Бейли пересек комнату, осторожно переступая босыми ногами через осколки, снял плейбойских девочек. – И Богарт у тебя отличный. Пусть без буферов, но все равно есть на что посмотреть. Понимаешь? – Бейли уставился на Гарриша, ожидая, что тот улыбнется, а когда его надежды не оправдались, добавил: – Как я понимаю, выкидывать этот постер ты не собираешься?

– Нет. Я собираюсь принять душ.

– Конечно, конечно. Веселого тебе лета, на случай если больше не увидимся, Курт.

– Спасибо.

Бейли двинулся к двери, трусы свободно болтались на тощей заднице. Остановился, взявшись за ручку.

– Еще один семестр позади, Курт?

– Похоже на то.

– Отлично. Увидимся осенью.

Бейли вышел в коридор, закрыв за собой дверь. Гарриш посидел на кровати, потом достал карабин, разобрал, почистил. Приложился глазом к дулу, посмотрел на световую точку в дальнем конце. Ствол чист. Собрал карабин.

В третьем ящике комода лежали три тяжелые коробки с патронами. Гарриш положил их на подоконник. Запер дверь, вернулся к окну, поднял жалюзи.

Залитую солнцем зеленую лужайку оккупировали студенты. Куин и его идиот приятель гоняли мяч, носились взад-вперед как заведенные, словно муравьи перед замурованной норой.

– Вот что я тебе скажу, – обратился Гарриш к Боджи. – Бог разозлился на Каина, потому что Каин почему-то принимал Бога за вегетарианца. Его брат знал, что это не так. Бог сотворил мир по Своему образу и подобию, и, если ты не можешь съесть мир, мир сожрет тебя. Вот Каин и спрашивает у брата: «Почему ты мне этого не сказал?» А брат отвечает: «А почему ты не слушал?» И Каин говорит: «Ладно, теперь слушаю». А потом как звезданет братца и добавляет: «Эй, Бог! Хочешь мяса? Давай сюда! Тебе вырезку, или ребрышки, или авельбургер?» Вот тут Бог и прогнал его. И... что ты думаешь по этому поводу?

Боджи ничего не ответил.

Гарриш поднял раму, уперся локтями в подоконник, так, чтобы ствол «магнума» не высовывался из окна и не блестел на солнце. Прильнул к окуляру телескопического прицела.

Повел карабином в сторону женского общежития «Карлтон мемориэл», больше известного среди студентов как «Собачья конура». Поймал в перекрестье большой «форд-пикап». Appetитная студентка-блондинка в джинсах и голубеньком топике о чем-то разговаривала с матерью. Отец, краснорожий, лысеющий, укладывал чемоданы на заднее сиденье.

Кто-то постучал в дверь.

Гарриш замер.

Стук повторился.

– Курт? Может, поменяешь на что-нибудь плакат Богарта?

Бейли.

Гарриш промолчал. Девушка и мать над чем-то смеялись, не подозревая о микробах, живущих в их внутренностях, паразитирующих в них, плодящихся. Отец девушки присоединился к ним, и теперь они стояли втроем, залитые солнечным светом, семейный портрет в перекрестье.

– Черт побери, – донеслось из-за двери. Послышались удаляющиеся шаги.

Гарриш нажал на спусковой крючок.

Приклад ударил в плечо, сильный, тупой толчок, какой бывает, когда затыльник установлен как должно. Улыбающуюся головку блондинки как ветром сдуло.

Мать какое-то мгновение еще продолжала улыбаться, потом ее рука поднялась ко рту. Она закричала, не убирая руки. В нее Гарриш и выстрелил. И кисть, и голова исчезли в красном потоке. Мужчина, который засовывал чемоданы на заднее сиденье, попытался убежать.

Гарриш прикончил его выстрелом в спину. Поднял голову, оторвавшись от прицела. Куин держал в руках мяч и смотрел на мозги блондинки, заляпавшие знак СТОЯНКА ЗАПРЕЩЕНА. Тело лежало под знаком. Куин не шевелился. Замерли все, кто находился на лужайке, словно дети, игравшие в колдунчиков.

Внезапно кто-то забарабанил в дверь, начал дергать за ручку. Опять Бейли.

– Курт? С тобой все в порядке, Курт? Я думаю, кто-то...

– Хороша вода, хороша еда, велик наш Бог, непусти кусок! – проорал Гарриш и выстрелил в Куина. Дернул спусковой крючок, вместо того чтобы плавно потянуть, и не попал. Куин уже бежал. Невелика беда. Следующий выстрел достал Куина в шею, и тот пролетел футов двадцать.

– Курт Гарриш застрелился! – раздался за дверью вопль Бейли. – Роллингс! Роллингс! Скорее сюда!

Его шаги замерли в конце коридора.

Теперь побежали все. Гарриш слышал их крики, слышал звук шагов по дорожкам.

Он взглянул на Боджи. Боджи сжимал в руках пистолеты и смотрел поверх него. Он взглянул на осколки «Мыслителя» Свина и подумал, чем занят сейчас Свин: спит, сидит перед телевизором или ест что-нибудь вкусненькое? Ешь мир, Свинья, подумал Гарриш. Заглатывай его целиком, без остатка.

– Гарриш! – Теперь в дверь барабанил Роллингс. – Открывай, Гарриш!

– Дверь заперта! – пискнул Бейли. – Он так хреново выглядел, он застрелился, я знаю.

Гарриш вновь выставил ствол карабина в окно. Парень в цветастой рубашке прятался за кустом, тревожно оглядывая окна общаги. Он хотел бы убежать, Гарриш это видел, да ноги не слушались.

– Велик наш Бог, непусти кусок, – пробормотал Гарриш, нажимая на спусковой крючок.

Свадебный джаз

7

В 1927 году мы играли в «тихом»⁸ ресторанчике, находившемся к югу от Моргана, штат Иллинойс, в семидесяти милях от Чикаго. Можно сказать, в деревенской глуши: ни одного городка ближе двадцати миль, в какую сторону ни посмотри. Но и здесь находилось достаточно фермеров, которые после жаркого дня на поле предпочитали что-нибудь покрепче домашнего лимонада, и девчушек, жаждущих поплясать со своими друзьями, будь они ковбоями или продавцами аптечных магазинов. Заглядывали к нам и женатики (этих мы отличали без труда, словно они ходили с табличкой на груди), чтобы вдали от любопытных глаз порезвиться со своими тайными милашками.

Уж мы играли джаз так джаз, брали мастерством, а не громкостью. Работали впятером: барабаны, корнет, тромбон, пианино, труба – и свое дело знали. Происходило все это за три года до записи нашей первой пластинки и за четыре до появления звукового кино.

Когда в зал вошел этот верзила в белом костюме и с трубкой размерами с валторну, мы играли «Бамбуковый залив». Мы, конечно, уже приняли на грудь, но публика накачалась куда сильнее и веселилась от души, так что стены ходили ходуном. Все пребывали в прекрасном настроении: в этот вечер обошлось без драк. Пот тек с нас ручьем, и спасало только ржаное виски, которое исправно посылал нам Томми Ингландер, хозяин этого заведения. Мне нравилось работать у Ингландера, а он по достоинству оценивал наше творчество. Понятное дело, я его за это уважал.

Парень в белом костюме пристроился у стойки, и я о нем и думать забыл. Мы отыграли «Блюз тетушки Хагар», страшно популярную в те времена мелодию, особенно в захолустье, как обычно, сорвали аплодисменты и отправились на перерыв. Сходя со сцены, Мэнни лыбился во все тридцать два зуба. Девушка в зеленом вечернем платье, которая весь вечер строила мне глазки, по-прежнему сидела одна. Рыженькая, каких я и люблю. По выражению ее глаз и легкому кивку я все понял и уже направился к ней полюбопытствовать, не хочет ли она чего-нибудь выпить.

Но на полпути этот мужчина в белом костюме заступил мне дорогу. Чувствовалось, что он из крутых. Остатки волос на затылке стояли дыбом, хотя он явно вылил на них целый флакон бриолина, а глаза холодно поблескивали, странные такие глаза, скорее не человека, а глаубоководной рыбы.

- Выйдем, разговор есть, – процедил он.
- Рыженькая отвернулась, надув губки.
- Разговор подождет, – ответил я. – Пропусти меня.
- Меня зовут Сколли. Майк Сколли.

Как же, слышал. Гангстер местного разлива из Шайтауна, который расплачивался за пиво и сласти, привозя из Канады выпивку. Ту самую крепкую выпивку, что производят в стране, где мужчины носят юбки и играют на волынках. Когда не разливают виски по бочкам и бутылкам. Его портрет изредка появлялся в газетах. Последний раз в связи с тем, что его хотел пристрелить другой завсегдагай злочных мест.

- Мы довольно-таки далеко от Чикаго, друг мой.
- Я приехал не один, можешь не волноваться. Пошли.

⁷ The Wedding Gig. У Stephen King, 1980. У 1997. Д. В. Вебер. Перевод с английского.

⁸ «Тихими» (speakeasy) в период действия «сухого закона» (1920–1933 гг.) называли бары и рестораны, где подпольно торговали спиртным. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Рыженькая вновь стрельнула на меня глазками. Я указал на Сколли, пожал плечами. Она скорчила гримаску и отвернулась.

– Ну вот. Ты мне все обломал.

– Цыпочки вроде этой идут в Чикаго по центу за бушель.

– Не нужен мне бушель!

– Пошли!

Я последовал за ним. После прокуренной атмосферы ресторана воздух приятно охлаждал кожу. Пахло свежескошенным сеном. Небо усыпали мягко поблескивающие звезды. Местная шпана тоже высыпала, да только мягкостью она не отличалась, а поблескивали разве что кончики их сигарет.

– У меня есть для тебя работенка.

– И что?

– Плачу пару сотен. Раздели их на всех или оставь одну себе.

– Какая работенка?

– Сыграть, что же еще? Моя сеструха выходит замуж. Я хочу, чтобы вы сыграли на свадьбе. Ей нравится диксиленд⁹. Двое моих парней сказали, что вы в этом деле доки.

Я уже говорил вам, что полагал Ингландера хорошим работодателем. Он платил нам восемьдесят баксов в неделю. Этот парень предлагал вдвое больше за одно выступление.

– С пяти до восьми в следующую пятницу, – уточнил Сколли. – Зал «Сыновья Эрина» на Гроувер-стрит.

– Ты переплачиваешь. Почему?

– На то две причины, – ответил Сколли, попыхивая трубкой. Никак она не вязалась с его жлобской физиономией. Ему бы курить «Лаки страйк», может, «Свит кейпорэл». Сигареты бандитов. А вот с трубкой он не выглядел бандюгой. С трубкой он становился грустным и забавным.

– Две причины, – повторил он. – Может, ты слышал о Греке, который пытался меня пришить?

– Я видел твою фотографию в газете. Ты старался уползти на тротуар.

– Не умничай, – беззлобно проворчал он. – Я становлюсь ему не по зубам. Грек стареет. Мыслит узко. Ему пора на родину, пить оливковое масло, смотреть на Тихий океан.

– Я думал, там Эгейское море.

– Пусть даже озеро Харон, мне наплевать. Беда в другом: не желает он признавать, что стареет. По-прежнему хочет добраться до меня. Не понимает, что его время кончилось, смена пришла.

– То есть ты.

– Тут ты попал в самое яблочко.

– Другими словами, ты платишь две сотни, потому что последнюю мелодию нам придется исполнять под аккомпанемент ружейной пальбы.

Лицо его полыхнуло яростью, но на нем отразилось и какое-то другое чувство. Тогда я не понял, какое именно, но теперь думаю, что печаль.

– Приятель, безопасность будет обеспечена. За все уплачено. Если кто-то сунет нос в это дело, второй раз дыхнуть ему уже не дадут.

– Вторая причина?

– Моя сестра выходит замуж за итальянца, – вкрадчивым голосом ответил он.

– Такого же доброго католика, как и ты, – усмехнулся я.

Вот тут ярость полыхнула вновь, ослепительно белая, я даже испугался, что переборщил.

⁹ Музыкальный стиль джаза, преимущественно танцевальная и развлекательная музыка.

– Я ирландец! Чистейших кровей, и советую не забывать этого, сынок! – Тут он добавил, совсем тихо: – Даже если я потерял большую часть волос, они были рыжими.

Я уже собрался что-то сказать, но не успел, потому что он схватил меня за грудки и притянул к себе. Да так близко, что наши носы едва не соприкоснулись. Никогда я не видел на человеческом лице такой гаммы чувств: злость, унижение, ярость, решимость смешались воедино. В наши дни такого и подавно не увидишь. А тогда я видел все – и обиду, и боль, и любовь, и ненависть. И сразу понял, что лучше придержать язык, если, конечно, не хочу отправиться к праотцам.

– Она толстуха, – прошептал он. Пахло от него мятой. – Многие надо мной смеются, стоит мне повернуться к ним спиной. Когда я смотрю им в глаза, смеяться они не решаются, это я тебе точно говорю, мистер Корнетист. Вот и получается, что, кроме этого даго¹⁰, ей, возможно, никого не сыскать. Но вы не должны смеяться надо мной, над ней или этим даго. И никто не должен смеяться. Потому что играть вы будете как можно громче. Никто не посмеет смеяться над моей сеструхой.

– Мы никогда не смеемся во время выступлений, – заверил я его. – Смех выбивает из ритма.

Напряжение спало. Он даже рассмеялся, скорее, коротко хохотнул.

– Подъезжайте так, чтобы начать игру ровно в пять. Зал «Сыновья Эрина» на Гроувер-стрит. Я оплачу и дорожные расходы, в обе стороны.

В его голосе не слышалось вопросительных интонаций. В принципе я не возражал, но хотел кое-что уточнить. Он, однако, такой возможности мне не дал. Потому что уже уходил, а один из его головорезов уже открыл заднюю дверцу черного «паккарда».

Они уехали. Я еще постоял, выкурил сигарету. Очень уж приятным, тихим выдался вечер, и я все более склонялся к мысли, что Сколли мне просто привиделся. Так и хотелось вытащить сцену на автомобильную стоянку и поиграть прямо здесь, на свежем воздухе, но тут Бифф хлопнул меня по плечу:

– Пора.

– Хорошо, – отозвался я.

Мы вернулись в ресторан. Рыженькая подцепила какого-то седовласого морячка, в два раза старше себя. Я не мог взять в толк, каким ветром парня из военно-морского флота Соединенных Штатов могло занести в Иллинойс, но задумываться над этим не стал. И не очень-то огорчился. Чего жалеть, если у дамочки такой плохой вкус. Ржаное виски ударило в голову, и Сколли обрел куда более реальные очертания в густом, хоть топор вешай, табачном дыму.

– Нам заказали «Скачки в Кэмптауне», – шепнул мне Чарли.

– Даже не думай, – отрезал я. – До полуночи мы ниггеровской туфты не играем.

Я увидел, как лицо Билли-Боя, сидящего за пианино, закаменело, потом вновь разгладилось. Мне хотелось дать себе пинка, но, черт побери, не может человек сменить лексикон за день, даже за год. Может, десяти лет ему и хватит, но точно сказать не могу. Уже тогда я ненавидел слово «ниггер», но оно то и дело слетало с языка.

Я подошел к нему.

– Извини, Билл... сегодня я что-то не в себе.

– Конечно, – ответил он, но смотрел куда-то за мое плечо, и я понял, что мои извинения не приняты. Скверно, конечно, но могло, доложу я вам, быть и хуже: если бы он разочаровался во мне.

О предложении Сколли я рассказал им во время следующего перерыва, назвал обещанную сумму, не скрыл и того, что Сколли – гангстер (правда, не упомянул о другом гангстере,

¹⁰ Пренебрежительное прозвище итальянцев и испанцев.

который пытался свести с ним счеты). Сказал и о том, что сестра Сколли – толстуха, а Сколли из-за этого очень переживает. А потому шуточки насчет плывущей по реке баржи могли привести к появлению в голове еще одной дырки, повыше глаз.

Говоря все это, я не отрывал взгляда от лица Билли-Боя, но ничего не смог на нем прочесть. Легче прочитать мысли грецкого ореха по его скорлупе. Лучшего пианиста, чем Билли-Бой, мы найти не могли, и нас печалили те мелкие неприятности, что выпадали на его долю во время разъездов. Разумеется, по большей части на Юге, хотя и на Севере ему приходилось несладко. Но что я мог с этим поделать? А? Скажите мне, если знаете. В те дни приходилось мириться с тем, что к людям с разным цветом кожи относятся по-разному.

К залу «Сыновья Эрина» на Гроувер-стрит мы прибыли в пятницу в четыре часа дня, за час до начала выступления. Приехали на грузовичке «форде», который Бифф, я и Мэнни купили в складчину. Кузов обтянули брезентом, там у нас стояли две койки, привинченные к полу, и была даже электроплитка, работающая от аккумулятора. Снаружи на брезенте красовалось название нашей группы.

День выдался чудесный, теплый, солнечный, с плывущими по небу белыми облачками, отбрасывающими тень на поля. Но как только мы въехали в Чикаго, навалились жара и духота, от которых в таких городках, как Морган, отвыкаешь начисто. Так что, пока мы добрались до Гроувер-стрит, одежда уже прилипла к телу и у меня возникло желание облегчиться. Не отказался бы я и от стопки ржаного виски Томми Ингландера.

Зал «Сыновья Эрина» располагался в большом деревянном здании, примыкающем к церкви, где собиралась венчаться сестра Сколли. Знаете вы такие залы: по вторникам собрания молодых католиков, по средам – бинго, по субботам – молодежные вечера.

Мы столпились на тротуаре, каждый со своим инструментом в одной руке и частью ударной установки Биффа в другой. Тощая дама, плоская как доска, распорядилась внутри. Двое вспотевших мужчин вешали бумажные гирлянды. Эстрада находилась у дальнего торца, над ней висели транспарант и два больших свадебных колокольчика из розовой бумаги. Надпись на транспаранте гласила: ВЕЧНОГО СЧАСТЬЯ МУРИН И РИКО.

Мурин и Рико. Черт меня подери, если я теперь не понимал, чего так кипятился Сколли. Мурин и Рико. Та еще парочка.

Тощая дама устремилась к нам. Похоже, с намерением разразиться длинной речью, но я ее упретил.

– Мы – музыканты.

– Музыканты? – Она недоверчиво оглядела наши инструменты. – Однако. Я надеялась, что вы привезли угощение.

Я улыбнулся. Действительно, кто еще, кроме сотрудников фирмы, обеспечивающей жаркой банкеты, может прийти с духовыми инструментами и барабанами.

– Вы можете... – начала она, но тут послышались быстрые шаги и рядом с нами возник юноша лет девятнадцати. С сигаретой, прилепившейся к уголку рта. Крутизна она ему не добавляла, зато заставляла слезиться левый глаз.

– Открывайте ваше дерьмо, – бросил он.

Чарли и Бифф посмотрели на меня. Я пожал плечами. Мы открыли футляры, и он оглядел наши инструменты. Не узрев ничего заряжаемого и стреляющего, ретировался в угол и уселся на складной стул.

– Вы можете готовиться к выступлению, – продолжила худышка, словно ее и не перебивали. – Пианино в другой комнате. Я попрошу моих людей прикатить его, как только они украсят зал.

Бифф уже собирал ударную установку на маленькой сцене.

– А я-то подумала, что вы привезли угощение, – повторила женщина. – Мистер Сколли заказал свадебный торт, закуски, ростбиф и...

– Они обязательно подъедут, мэм, – перебил ее я. – Им же платят после доставки.

– ...жареную свинину, индейку, и мистер Сколли будет в ярости, если... – Она увидела, что один из мужчин прикуривает сигарету прямо под свисающим концом гирлянды из крепа, и завопила: – ГЕНРИ!

Мужчина аж подпрыгнул, а я шмыгнул к эстраде.

В четверть пятого мы закончили подготовку. Чарли, тромбонист, втихую опробовал инструмент, Бифф разминал кисти. Угощение привезли в четыре двадцать, и мисс Джибсон (так звали худышку, она, похоже, зарабатывала на жизнь организацией подобных мероприятий) с ходу взяла их в оборот.

Тут же в зале поставили четыре длинных стола, накрыли их белыми скатертями. Четыре черные женщины в белых колпаках и фартуках принялись накрывать столы. Торт выкатили на середину зала, чтобы все могли им полюбоваться. Шесть толстенных слоев, с фигурками жениха и невесты наверху.

Я вышел на улицу покурить, несколько раз затынулся и услышал автомобильные гудки: едут. Подождал, пока первая машина появится из-за угла, за которым находилась церковь, затушил сигарету и вернулся в зал.

– Они прибыли, – сообщил я мисс Джибсон.

Она побледнела, даже покачнулась. С такой комплекцией ей следовало выбрать другую профессию, выучиться на дизайнера или на библиотекаря.

– Томатный сок! – взвизгнула она. – Принесите томатный сок!

Я поднялся на эстраду, оглядел свою команду. Нам уже приходилось играть на свадьбах (а какому джаз-банду нет?), поэтому, как только открылись двери, мы заиграли регтаймовскую вариацию «Свадебного марша» в моей аранжировке. Если вы скажете, что звучит это как коктейль из лимонада, я с вами соглашусь, но на всех свадьбах, где мы играли, она проходила на ура, а эта ничем не отличалась от любой другой. Все хлопали, кричали, свистели, затем бросились обниматься. А поскольку многие еще и приплясывали в такт мелодии, я могу точно сказать, что с нашей музыкой мы попали в струю. Мы продолжали играть, для того нас и приглашали, и я чувствовал, что свадьба пройдет как надо. Я знаю все, что вы можете сказать об ирландцах, и большая часть из этого – чистая правда, но, черт побери, если уж им представляется возможность повеселиться, они ее не упускают!

Однако, должен признать, я едва все не испортил, когда появились жених и зарумянившаяся невеста. Сколли, в визитке и полосатых брюках, одарил меня суровым взглядом, и не думайте, что я его не заметил. Но мое лицо осталось бесстрастным, остальные тоже сумели и ухом не повести, так что мы даже не сбились с ритма. К счастью для нас. Гости, в основном громилы Сколли и их подружки, уже знали, чего от них ждут. Должны были знать, потому что были в церкви. И все равно до меня донеслись отдельные смешки.

Вы слышали о Джеке Стрэте и его жене. Так вот, здесь дело обстояло в сотню раз хуже. Волосы у сестры Сколли были тоже рыжие, но длинные и кудрявые. И отнюдь не приятного золотистого оттенка, нет – огненно-рыжие, как у жителей графства Корк, яркие, словно морковка, и еще вились мелким бесом. А ее молочно-белую кожу покрывали мириады веснушек. И Сколли говорил, что она толстая? Господи, да с тем же успехом можно сказать, что универмаг «Мейсис»¹¹ – деревенская лавчонка. Она напоминала динозавра в человеческом облике, с ее добрыми тремя с половиной сотнями фунтов. И все эти фунты пришлись на грудь, бедра и зад, как и случается у толстых девушек, отчего то, что должно выглядеть сексуальным, становится

¹¹ Один из крупнейших универмагов Нью-Йорка (до 80-х годов крупнейший), где можно купить все.

пугающим. Некоторых толстушек природа награждает симпатичными мордашками, но и тут сестра Сколли ничем не могла похвастаться: близко посаженные глаза, слишком большой рот, уши-лопухи. И везде веснушки. Будь она худой, и то от ее уродства часы бы останавливались. А тут немереная плоть, сплошь усеянная веснушками.

Но над ней одной смеяться никто бы не стал, разве что какие-нибудь придурки или последние сволочи. Да вот картину дополнял женишок. Тут уж поневоле разбирал смех. В высоком цилиндре он, пожалуй, достал бы ей до плеча. Тянул он максимум на девяносто фунтов, да и то после плотного обеда. Худой, как рельс, смуглый до черноты. А когда он нервно улыбался, зубы его торчали, как штакетины в заборе у заброшенного дома.

Мы играли и играли.

– Жених и невеста! – проревел Сколли. – Да пошлет вам Бог счастья!

А если Бог не пошлет, говорил его грозный вид, этим придется заняться вам... по крайней мере сегодня.

Гости одобрительно закричали, зааплодировали. Мы закончили одну мелодию и тут же заиграли другую. Сестра Сколли, Мурин, улыбнулась. Господи, ну и роток. Рико глупо лыбился.

Какое-то время все ходили кругами, жевали крекеры с сыром и ветчиной, пили лучшее шотландское Сколли, доставленное в страну без ведома властей. Я тоже сумел пропустить три стопки и признал, что ржаное пойло Томми Ингландера в подметки не годится настоящему виски.

Сколли чуть расслабился, даже повеселел, определенно повеселел.

Однажды он даже подошел к эстраде, чтобы сказать: «Хорошо играете, парни». В устах такого «меломана», как он, подобные слова прозвучали как высшая похвала.

Перед тем как все уселись за столы, к нам подплыла и Мурин. Вблизи она выглядела еще уродливее, в чем ей немало способствовало и белое атласное платье (пошедшей на него материи вполне хватило бы для того, чтобы сшить покрывала на три кровати). Она спросила, сможем ли мы сыграть «Розы Пикардии». Это, мол, ее любимая песня, и она обожает слушать ее в исполнении Реда Николса и его джаз-банда. Пусть она была толстой и некрасивой, но держалась очень скромно, не то что некоторые из гостей, тоже заказывавших нам музыку. Мы сыграли, пусть и не очень хорошо. Однако она тепло нам улыбнулась, отчего стала чуть ли не симпатичной, а потом долго аплодировала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.